

Александр Темной

Джина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Валерьевич Темной

Джина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50440838

SelfPub; 2020

Аннотация

Иногда покупка сувенира может изменить человеку жизнь, открыть глаза на многие вещи, которых он раньше не замечал. Именно это произошло с Андреем Светловым, который купил на рынке кувшин и выпустил из него сущность по имени Джина, которая спокойную, размеренную жизнь Андрея перевернула с ног на голову. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Египетский кувшин	4
Глава 2. История Джины	63
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Глава 1. Египетский кувшин

Андрей Светлов посмотрел на настенные часы. Было только шесть вечера. До празднования Нового года оставалось шесть часов, а до прихода Насти – три часа. Времени в запасе было много – вагон и маленькая тележка, а оставалось всего-то – порезать салат «Оливье», умастить его майонезом и поставить тарелку на стол. Остальное уже было готово: ёлка светилась разноцветными огоньками, стол ломился от спиртного и закусок, на экране телевизора пьяные герои выясняли, кто должен лететь в Ленинград.

Пропищал мобильник. Это был Костя, друг детства.

– Алло! – Андрей уверен, что Костя звонит, чтобы узнать, что нужно принести с собой, но ничего нести не нужно, и так всё есть.

– Привет, – Костя хрипит в трубку.

– Что у тебя с голосом? – спрашивает Светлов, но уже знает ответ на свой вопрос. Во всяком случае, догадывается.

– Простыл, – отвечает Константин. – Кха-кха!.. Мы с Леной сегодня к тебе не придём. Извини!

– А я так хотел с тобой выпить водки под бой курантов! – Андрей пытается говорить шутливо, но при этом хмурится. Как, как этот бугай умудрился простыть перед самым Новым годом? А ведь Андрей так ждал его, так на него надеялся. Если Костик не придет, вечер будет кислым.

– Ничего... Кха-кха!.. Выпьем, когда вылечусь.

– Ладно, лечись, – Светлов вздыхает.

– Ага, пока! – Частые гудки в трубке.

Андрей смотрит на свой смартфон. Не столько на заставку экрана с красивой полуголой блондинкой, сколько на часы. Времени ещё остаётся много, но настроение чуть-чуть ухудшилось. Глядя на экранных алкашей, Андрей подумал, а не хряпнуть ли ему чуть-чуть, для поднятия настроения?

Внутренний голос шепчет: «Зачем тебе это нужно? Ты же не алкоголик... Скоро начнут подтягиваться гости, с ними и выпьешь. А лучше не пить до появления Насти»

Светлов согласно кивает своему отражению в зеркале, выключает телевизор, проходит на кухню и продолжает делать то, что он делал весь день, с самого утра – режет вареные овощи. Чтобы не было скучно, включил магнитолау. Вкусно пахнущее пространство кухни тут же заполнил хриплый голос Чеда Крюгера, солиста группы «Nickelback».

Под стук ножа по разделочной доске в голову приходит мысль: почему Чед расстался с Аврил Лавин? Что они не поделили? Оба – чертовски талантливые люди. Могли бы дуэт создать и с гастрольями по миру ездить, такие бабки могли бы зашибать! А так, взяли и расстались, разбежались в разные стороны, как тараканы по кухне. Аврил Лавин мало того, что поёт хорошо, она ещё и красавица. Он, Андрей, никогда бы с ней не развелся, несмотря на то, что имя у неё звучит, как отрывка. Получается, что хоть в чем-то он перещеголял Че-

да Крюгера, каким бы звезданутым тот ни был: Настя красивее Аврил Лавин, её имя и фамилия не такие рыготные – Анастасия Панова; она не бросала Светлова (пока); благодаря тому, что Настя – дочь босса, Андрей сделал карьеру в фирме «Торгоптима», поднявшись от торгового представителя до заместителя генерального директора. А ведь это не всякому дано – трахать дочь директора!

Стоило ему вспомнить про Настю, началось набухание в промежности.

– А вот это не вовремя! – произнес Андрей, обращаясь к своему «другу».

–Ye-e-e-s! – пропел Чед Крюгер, как бы соглашаясь с ним. Песня закончилась, Светлов услышал, как в недрах его «двушки» надывается мобильник. Прошел в гостиную. Он ещё не взял телефон в руку, не «алёкнул», но уже был уверен, что это звонит кто-то из друзей, чтобы сказать, что он тоже не сможет прийти.

Предчувствия Андрея не обманули. Звонила Марина, жена Стаса. Если бы её номер не определился, Андрей бы не понял, кто звонит.

– Андрюша, здравствуй!– Её голос дрожит. Слышится хлопанье. Неужели, плачет?

– Привет, Мариша. – Что с тобой...

– Знаешь, мы, похоже, к тебе не придём.

«А кто бы сомневался?» – думает он, а вслух спрашивает:

– Почему?

Молчание. После долгой паузы:

– Мы со Стасиком в аварию попали.

– Как вы так умудрились влететь? – Андрей удивлён. Он знает, что у Марины со Стасом на двоих больше двадцати лет водительского стажа.

– Да не мы влетели, а в нас... – Снова послышались хлюпающие звуки. – ...когда мы из гипермаркета возвращались. – Машина всмятку, у Стасика нога сломана. У меня сломана рука и двенадцать швов на лице...

– Вы в больнице?

– Нет, уже дома. – На заднем плане слышится приглушённый голос Стаса: «Марина! Принеси попить!» – Ну, ладно... С Наступающим тебя!

Частые гудки.

Андрей нажимает кнопку завершения вызова, бросает телефон на диван, тяжело опускается на его краешек. Какое-то время сидит, глядя в одну точку. «Это какой-то пипец получается, – думает он. – В кои-то веки решил с друзьями Новый год отметить, а тут – на тебе!.. Борисовы не придут, Синцовы – тоже. Кто остаётся? Настя и Пинигины? Какого хрена я столько готовил? Говорила мне Настюха, что нужно было всё в магазине купить, так я её не послушал, а зря. Решил её, понимаешь, своим кулинарным искусством покорить. Столько времени, денег и сил впустую потратил... Баран твердолобый!»

Черт с ними, с деньгами и силами. Главное, что настрое-

ние испорчено. Уже не новогоднее. Пинигины его точно не поднимут. С этими только на похороны можно ходить. У них всегда одинаково кислые рожи, да и пригласил он их только потому, что Настя попросила. Она с Алёной Пинигиной когда-то в одном классе училась, а ему, Андрею, в своё время «посчастливилось» работать в одной фирме с Костей. Светлов тогда дико радовался, когда зануду-Костика сначала перевели в другой отдел, а потом и вовсе уволили. Да насрать на него, на Костика. Придет – флаг ему в руки, не придёт – тоже неплохо. Главное – чтобы Настя пришла. Тогда Новый год начнется с секса. Это будет неплохое начало.

А пока...

Он прошел на кухню, продолжил резать салат «Олевию».

Откуда-то из-под стола вылез толстый кот. Кот и «двушка» – всё, что оставили Андрею родители, уезжая в 2007-м в Санкт-Петербург. И, если квартира – вещь ценная, нужная, то тупого котяру Светлов воспринимал так, словно это нечто бесполезное, мусор, от которого нужно избавляться. Нужно, но нельзя: матушка во время каждого сеанса общения по Скайпу спрашивает: «А как там мой котик?». И тогда Светлову приходится показывать ей его и, улыбаясь фальшивой улыбкой, демонстративно гладить. Маман даже не представляет, как в эти мгновения её сынку хочется котяру схватить за шкурку и выкинуть из квартиры и из своей жизни! Ну, достал он его: то нагадит во всех углах, то обои обдерёт, то залезет в шкаф и на одежде затяжек наделает, то беспричин-

но носится и вякает среди ночи, спать не даёт. Вот падла! Андрей даже не помнил его имя, всегда называя Ходячей Жопой, Жирным Ублюдком или Куском Говна. Когда дело касалось кормёжки, кот на все имена отзывался. А всё-таки, как его зовут – Васька? Барсик? Пофиг!

И вот этот Жирный Ублюдок начал мурлыкать и тереться своим толстым телом об ногу Андрея, оставляя на новых джинсах клочки шерсти. Бросив взгляд на полную кошачьего корма миску Куска Говна, Светлов дернул ногой, пытаясь дать пинка Ходячей Жопе, но кот, несмотря на свои габариты, выскочил из кухни со скоростью пули. А Андрей, отвлекшись на него, резанул ножом по пальцу на левой руке. Потекла тонкая струйка крови. Стекая с пальца, она капала на разделочную доску.

– Вот ведь дерьмо! – Светлов подскочил к мойке, подставил палец под струю холодной воды. Кровь ненадолго остановилась, но потом снова закапала. Жгущая боль припекала подушечку пальца. Тогда Андрей решил сделать себе повязку. Открыв дверцу навесного шкафчика, он потянулся рукой за коробкой с медикаментами. И тут на него сверху посыпались упаковки салфеток, половник, ситечко, механический миксер, свечи и прочая ерунда, копившаяся на кухне годами. В лоб больно ударила старая – ещё с советских времён – жестяная банка то ли с чаем, то ли со специями. И тут голос Светлова взвился до визга: – Дерьмо!

Пока Андрей делал повязку, он не переставал сыпать ма-

терными ругательствами и в адрес кота, и в адрес ситуации, в которой он оказался, и в адрес Костика. Не забыл он упомянуть и Синцовых, ради которых потратился на блевотные мидии, вспомнил и Борисовых, из-за которых ему пришлось потратиться на дорогое вино и коньяк – вино и водку они, видишь ли, не пьют! Уроды зажавшиеся!

Бранную тираду прервал очередной телефонный звонок.

«Только бы не Настя, – думал Андрей, беря трубку в руку. – Если звонит Настюха, это значит, что она, скорее всего, тоже не придет. Только бы это была не она! Я так хочу встретить Новый год с ней! Пусть это будут Пинигины!»

Светлов посмотрел на дисплей смартфона. Высветилось: «Пингвин». Именно так про себя Андрей называл Васю Пинигина, а его жену Иру – соответственно, Пингвинихой. В таком виде он их и занес в список контактов. И мелодия контакта – нечто глупое, из детского мультфильма. Хоть как-то их звонки должны поднимать настроение, да? Правда, накануне Нового года звонок Пингвина, вопреки обыкновению, настроение не улучшил.

– Алло! – Светлов включил громкую связь, положил телефон на кухонный стол.

– Привет, Андрей! – Голос Пингвина явно не хриплый, но слегка расстроенный. – С Наступающим тебя!

– И тебя! – отвечает Светлов, поднимая с пола и убирая в шкафчик всё то, что на него несколько минут назад сыпалось сверху. Хотя он с вероятностью 99,9 % знает, почему звонит

Вася, но на всякий случай спрашивает: – Вы приедете? Всё по плану?

В его голосе слышны радостные нотки. Но это радость не от того, что позвонил товарищ, а от того, что не позвонила Настя. Значит, Настёна по-любому придёт, а вечер и первая ночь- 2016 пройдут по плану. Шикарно пройдут. И не надо будет подстраиваться ни под Борисовых, ни под Синцовых, ни под Пинигиных. Никто мешать не будет!

– Нет, – вздохнув, отвечает Пингвин. Усиленный динамиками смартфона, его вздох напоминает шум осеннего ветра – такой же сильный и противный. – Ко мне мама из Кирова приехала. Привезла кучу всяких там подарков от родни... Планирует пробыть у нас до конца Новогодних каникул. Поэтому мы с Иришей не сможем к тебе приехать. Сам понимаешь, не оставлять же мне маму одну в Новый год, правильно? И к тебе она ехать не хочет, стесняется. Вот мы и решили отпраздновать в тесном семейном кругу.

– Понимаю, – Светлов захлопывает шкафчик, убрав в него самое последнее – картонную коробку с медикаментами. – Мама – это святое. Встреть с ней Новый год. Поздравь от меня Ираиду Семёновну, пусть 2016-й год у неё будет успешным.

– Ага, – Пингвин снова вздыхает. – А ты не обижаешься?

– Конечно, нет! Я всё понимаю! – Андрей пытается придать голосу как можно больше тепла, а сам думает: «Клади уже трубку, дебил! Ты мне уже надоел, я устал от тебя!»

– С Наступающим. . .

– И тебя с наступающим Новым годом! – Пинигин говорит ещё что-то, но Андрей не стал дослушивать и оборвал связь.

Порезанный палец дал о себе знать уколом боли. Светлов вскрикнул, смартфон выпал из его руки. Упал сначала на край стола, с него свалился на табуретку, а уж с неё соскочил на пол. Приземлился прямо на дисплей.

– Вот говно, – Андрей поднял с пола телефон, глянул на дисплей, чтобы узнать время и увидел большую трещину, бегущую зигзагами по всему чёрному экрану. – Это был новый телефон! Говно китайское!

В следующее мгновение Светлов сделал то, чего не делал никогда, и считал, что это делают только неадекваты – разбил телефон об стену. Смартфон разлетелся на кусочки, одна из кафельных плиток у мойки треснула пополам. Верхняя половинка этой плитки упала Андрею на голову, когда он веником сметал в совок части того, что когда-то было целым и называлось средством коммуникации.

Боль в ушибленной голове была такой, словно в неё попала не половинка сраной плитки, а воткнулся топор. От злости Андрей ударил кулаком по стене (разумеется, туда, где не было плитки), но к боли в голове тут же добавилась ноющая боль в правой руке и резь в пальце на левой.

Тут уж он не стал материться, так как крыть матом, кроме себя, было некого. Поэтому, массируя правую руку, Светлов молча разогнулся, бросив на пол веник и совок, подо-

шел к холодильнику и открыл его. Там, в морозилке, лежало то, что он называл «лекарство от всех болезней и от глупости» – горилка с перцем. Он не хотел её пить ни до приезда Насти, ни до наступления Нового года, так как знал, что от этого напитка очень быстро «выпадет в осадок», но ничего с собой поделать не мог – слишком уж много неприятностей для одного вечера, слишком плохое настроение. А что может поднять настроение, превратить его из дерьмового в новогоднее? Конечно, горилка. И только она одна, родимая!

В памяти всплыли слова мамы, которые она произнесла во время последнего сеанса общения по Скайпу: «Андрюша, ты только не пей в Новый год, пожалуйста! На тебя алкоголь, особенно крепкий, действует крайне негативно...»

Как всегда, он пообещал тогда маме не пить и в тот же вечер довёл себя до состояния невменяемости в компании соседа Ромы, у которого в тот день была «денюха».

И вот сейчас, глядя на покрытую инеем бутылку горилки, лежащую в морозилке, Светлов вдруг начал сомневаться в правильности принятого решения. Но, пока голове крутились слова мамы: «Андрюша, ты только не пей... Андрюша, ты только не пей... Андрюша, ты только не пей», одна рука потянулась к бутылке, вторая достала из навесного шкафчика рюмку. Тут же послышалось знакомое: «буль-буль-буль», и спустя мгновение огненная вода заплескалась по пищеводу, наполняя организм теплом, отесняя на второй, а то и на третий планы и слова мамы, и мелкие неприятности.

Да, он знает, что быстро пьянеет. Но ведь от одной рюмки у него, как говорится, башню не снесёт, правильно? До прихода Насти всё выветрится. Уж он-то это знает. Уж он-то – мужик взрослый, опытный, имеющий за спиной годы тренировок и экспериментов. И где он только ни тренировался, ни экспериментировал с алкоголем: в поездах, в самолётах, на лекциях в институте, в подъезде, в сауне, в лесу, на рыбалке, на деловых встречах, на корпоративах. А один раз даже на крыше небоскреба «Высоцкий» в Екатеринбурге, высота которого – 188,3 м. И он был уверен, что и в этот раз всё будет нормально. Важно, чтобы не было «передоза». А его и не будет, ведь должна приехать Настя, поэтому нужно быть трезвым. Тогда и секс будет волшебным!

Нарезая салат, сам не заметил, как выпил ещё две рюмочки. Закусил тем же «Оливье». Салат получился вкусным.

Слушать «Nickelback» в какой-то момент надоело. Включил «Limp Bizkit». Когда зазвучала песня «Walking Away» из альбома «Gold Cobra», Андрей вспомнил, как Настя под эту самую песню танцевала для него стриптиз – сначала медленно, потом ускоряясь, сбрасывая с себя одежду, пока не осталась в том, в чем мать родила. Она танцевала, как настоящая стриптизёрша, а потом мастерски отсосала, как настоящая проститутка. Это было волшебно и абсолютно бесплатно, за исключением энной суммы, оставленной в ресторане! Вспомнив этот маленький эпизод их отношений, Светлов заулыбался, зажав набухший член между ног.

Под настроение пошла ещё одна рюмочка. Стало гораздо лучше.

Обещание, данное маме, стало стираться из памяти, как нечто ненужное. Настя...

Прошлепав с полной салатницей «Оливье» в гостиную, Андрей глянул на часы. Было только полвосьмого. Это означало, что до прихода Настюхи вся горилка из организма выветрится и можно считать, что Андрюша сегодня не пил. Или почти ничего не пил.

Поставив тарелку на единственное свободное место на столе – ближе к краю, рядом с мясной нарезкой, – Светлов включил телевизор. Как всегда, по всем каналам крутили до смерти надоевшую скучнятину: заезженные фильмы, глупые песни попсовиков, несмешных юмористов.

– Нет! Так дело не пойдёт! – Андрей достал с полки серванта диск с фильмом «Очень страшное кино», воткнул его в DVD-проигрыватель.

Откуда-то из-за подлокотника дивана вылез кот. Когда взгляды Ходячей Жопы и Светлова встретились, котяра снова спрятался, в очередной раз показав чудеса маскировки.

Нет, Андрей не считал «Очень страшное кино» шедевром, но это – реально смешной фильм, смеясь над героями которого можно запросто убить час-полтора и поднять себе настроение. То есть, то, что нужно, особенно, под Новый год.

И он ржал до слёз все эти полтора часа, хохотал до колик в животе. Пока не запищал дверной звонок. Поставив фильм

на паузу, Светлов встал с дивана и пошел открывать дверь.

Это была Настя! Боже, как она была восхитительна! От неё пахло дорогим парфюмом, на ней была шикарная норковая шуба, а под шубой – белое вечернее платье с декольте, которое обтягивало её стройную фигуру и словно говорило: «Сорви меня с Насти, доберись до того, что скрыто подо мной! Сделай это!»

И он, словно подчиняясь голосу платья, поцеловал Настю, прижав к себе одной рукой, а второй слегка сжал её ягодицы. В планах было зайти ещё дальше – отодрать Настюху прямо в прихожей, но подруга, как всегда, всё испортила.

– Фу, Дюша! Ну, ты почему выпил, не дождавшись меня? – Она легонько хлопнула его по щеке и отстранилась. – Пахнешь, как сапожник!

– Я... я – Светлов замешкался, не зная, что ответить. Он-то думал, что всё давно выветрилось. Оказывается, нет! – Это я так, для дезинфекции! – Он показал ей палец, обмотанный бинтом.

– Бедненький, – Настя погладила повязку. – Тебе больно?

– Так, царапина. До свадьбы заживет... Ну, что же мы стоим? Прошу к столу!

Они прошли в гостиную. Увидев заставленный алкоголем и закусками стол, Настя всплеснула руками.

– И это всё приготовил ты?

– Да. Я думал, что ещё гости подойдут, но они...

– Какой же ты у меня молодец! – Она обвила шею Свет-

лова руками, хотела поцеловать его в губы, но передумала. – Только почисть зубы, пожалуйста!

– Как скажешь, – улыбнувшись, ответил Андрей, а про себя подумал: «Вот ведь сучка! Нашла ведь до чего докопаться. Я выпил-то всего... – И тут его взгляд упал на стоящую у подлокотника дивана бутылку из-под горилки. Огненной жидкости в ней было – грамм семьдесят, не больше. И в этих жалких граммульках, на самом доньшке плавал скукоженный перчик.

Когда Светлов увидел эту бутылку, он не поверил своим глазам. Получается, что, пока он смотрел фильм, он всё это время прибухивал. Но как так получилось, что он даже не запомнил этого? Увы, ответа на этот вопрос в его голове не было. Было только Новогоднее настроение (которое всё-таки пришло), ощущение какой-то детской радости и счастья. При этом пьяным себя Андрей не чувствовал. Он до последнего цеплялся за надежду, что, быть может, эта бутылка осталась с какого-нибудь другого праздника, но память услужливо подсказала ему, что в последний раз он пил горилку в начале ноября, после этого сделал капитальную уборку в квартире и все пустые бутылки выкинул. К тому же, он не смог бы не заметить пустую бутылку, стоящую рядом с диваном, в течение столь долгого промежутка времени.

«И всё-таки, я сделал это! Я выжрал бутылку в одно рыло и пытаюсь изображать трезвого... Но я и чувствую себя абсолютно трезвым. Я – в полном порядке. И, если больше

бухать не буду, всё у меня будет зашибись: я замечательно проведу вечер, оттрахаю Настеньку и завтра буду себя чувствовать огурцом!» – так думал Андрей, когда чистил зубы и брызгал себе на лицо прохладную воду.

Когда он вышел из ванной комнаты, то увидел, что Настя уже открыла бутылку шампанского и разлила по бокалам. Она обворожительно улыбалась. Её порочные губы так и напрашивались на поцелуй. Андрей не смог устоять и нагнулся, чтобы поцеловать Настю, но она отстранилась и протянула ему бокал.

– Дюша, давай выпьем за уходящий год, а? Ведь он был таким классным! Сам посуди: в этот год мы начали встречаться, оба сделали неплохую карьеру в фирме... Давай!

– Нась, ты только не подумай ничего такого, но я не хочу больше пить! – Светлов принял из рук подруги бокал и поставил его на стол. Видя, как сползла улыбка с её лица, а брови угрожающе сдвинулись, он попытался немного смягчить ситуацию: – Я уже выпил и пока не хочу. Давай, ты сама...

– Не поняла! – она произнесла это с ударением на последний слог. – То есть ты с кем-то там успел выпить, а со мной не хочешь, да?

– Нет, Нась, ты всё не так поняла... – Из последних сил пытался оправдываться Андрей, но, уже услышав «не поняла» с ударением на последний слог, понял, что объяснения её не устроят.

– Может, ты за уходящий год не хочешь со мной выпить,

а? Может, самое большое наше достижение в этом году для тебя – не достижение вовсе, а?.. Может, ты думаешь, что я – алкашка и буду пить одна, а? – не унималась она. Её глаза гневно сверкали, готовые вот-вот начать метать молнии. – Если бы я хотела выпить одна, я бы, наверное, не тащилась в этот дерьмовенький район и осталась бы дома, да? Смотри на меня!

– Да! – подняв глаза, сказал Светлов.

– Что «да»?

– Ты бы могла остаться дома... – Он уставился в пол, не в силах выдержать её тяжелый взгляд. Его руки мяли салфетку, а мозг пытался принять правильное решение. Получилось, самым правильным было – выпить это сраное шампанское, а потом – будь, что будет.

– И ты хочешь мне испортить праздник, да?

– Нет, – Андрей сделал глоток. – За уходящий год, самый лучший год в моей жизни. За год, в который я влюбился в тебя, радость моя!

– Вот так-то, – Настя улыбнулась победной улыбкой. – А теперь давай поцелуемся!

Они поцеловались. Этот поцелуй будет единственным приятным воспоминанием о том вечере. Но Светлов тогда этого ещё не знал. Он допил бокал, прислушиваясь к ощущениям своего организма. Организм не среагировал никак. Только слабенькое тепло в районе желудка.

«Может, я и не выпаду в осадок?» – подумал Андрей, на-

ливая себе и Насте ещё по бокалу. Они снова выпили и поцеловались. Это был тост за любовь.

А потом были ещё тосты и поцелуи. Закончилась одна бутылка шампанского, на подходе была вторая.

По телевизору показывали какой-то концерт, но Светлову было на него насрать – он медленно, но верно выпадал в осадок. А после очередного бокала даже без тоста он начал основательно вязнуть в болоте алкогольного опьянения.

«Вот ведь сука тупая! – думал он, глядя на раздваивающуюся Настю, сидящую напротив него с бокалом в руке. – Сама-то трезвая, а я уже в говно... И знал ведь, что нельзя шампанское пить, но Настька заставила. Потом меня же обвинит в том, что вечер ей испортил!»

С каждой секундой то, чего Андрей боялся – опьянение – наваливалось на него всё больше и больше, склоняя голову к столу, делая тело вялым и непослушным. Надежды на волшебный секс таяли. Понимая это, Светлов, напряг ту часть мозга, которая ещё могла думать, и пришел к выводу, что нужно срочно пойти проветриться. И повод был – праздничный салют. Правда, изначально он планировал устроить его сразу же после обращения Президента.

– Одевайся, – обратился Светлов к Насте, доставая из шкафа картонную коробку – подарок от китайского партнера по бизнесу.

– Зачем? – непоняла Анастасия. – Скоро же Новый год.

– Пофиг, – пробормотал Андрей, направляясь с коробкой

в прихожую.

Дальше произошло то, что можно назвать провалами. Но не в памяти, а в сознании. В течение предновогоднего вечера и новогодней ночи Светлов ненадолго выбирался из этих провалов, но потом снова проваливался.

В первый раз он вылез из провала, когда воткнул в снег ракету и поджег фитиль. В тот момент он понял, что его качает, а это значит, что свежий воздух и мороз, вопреки ожиданиям, его не отрезвили. Если и отрезвили, то совсем чуть-чуть. Так, что это практически не ощущалось.

Провал.

Из провала Андрея выдернул Настин визг. В платье она носится по заснеженной игровой площадке, вокруг неё толпится народ. Сосед Рома втаптывает дымящуюся шубу в снег.

– Дурак! Идиот! – кричит она.

– Надо было поглубже в снег её воткнуть, – с укоризной говорит Роман. – Тогда бы её ветром не уронило. Ладно, хоть в шубу ей ракета попала, а если бы в лицо!

– Оденься, – Светлов снимает с себя дублёнку, пытается накинуть её на плечи Насте.

– Да пошел ты! – Настя отталкивает его.

Андрей падает на спину. Наступает очередное погружение в небытие, из которого он выплывает лишь в подъезде.

Настя идет впереди, он тащится позади неё. Они подходят к лифту. Светлов чувствует злость Насти и запах пале-

ной шерсти. Его гложет чувство вины. Вот накосячил, так накосячил! Не по-детски, по-взрослому! Он всей душой хочет хоть как-то снять напряженность, поднять своей подруге настроение, но не знает, как. Рука натывается на что-то в кармане дубленки. Он достаёт это «что-то». Оказывается, это хлопушка. Интересно, как она в карман попала? Сейчас он поднимет её над головой Насти и сделает ей дождик из разноцветных конфетти. Это должно ей поднять настроение и немного смягчить его участь. Сейчас...

Внезапно Настя разворачивается. Она смотрит Светлову в глаза, открывает свой порочный, напوماженный рот, чтобы что-то сказать, скорее всего – что-то важное. И тут рука Андрея дергает за верёвочку. Причем, в тот момент он не хотел приводить в действие эту чертову хлопушку, готов был чем угодно поклясться, что не хотел, но рука сама по себе дернулась. Раздался хлопок, и целый рой конфетти, мгновенно вырвавшийся из картонной гильзы, ударил Насте в лицо. Она вскрикнула, отвернулась от Светлова. По подергивающимся плечам Андрей понял, что она плачет.

– Настюха, но ты же сама... – пытается оправдываться Андрей.

Она разворачивается. Ничего не говорит, просто смотрит на него широко раскрытыми, красными глазами, под которыми размазалась тушь. Её лицо тоже красное, злое. Она размахивается и бьет Светлова кулаком в челюсть.

«Не по-женски сильный удар!» – успевает подумать Ан-

дрей в падении, прежде чем в очередной раз «провалиться».

Он пришел в себя, если можно так сказать, уже в своей квартире, сидя за праздничным столом. Рядом с ним сидит Настя. Лицо её по-прежнему красное, но не злое. Из коридора доносится слабый запах паленой шерсти. И надо бы предупредить Настю, что Толстая Тварь обязательно попытается оттрахать её шубу, но Андрей молчит. Он не хочет лишней раз напоминать подруге об испорченной шубе, да и самому вспоминать об этом неприятном казусе не хочется. А, судя по звукам, доносящимся из прихожей, которые не мог заглушить даже работающий телевизор, кот уже приступил к реализации своего коварного плана и вовсю дрючитнорку. Можно было бы сказать, что он лишает её невинности, но она уже дырявая. Не исключено, что именно в эту дырку котятра пристроил свой стручок. И надо бы этого пакостника кастрировать, да всё упирается в дефицит свободного времени.

Вообще, о кастрации Лохматой Твари Светлов впервые задумался несколько лет назад. Тогда ещё родители жили в Челябинске, а не в Питере, а Андрей жил в съёмной квартире. Именно тогда, зайдя в гости к родителям, он увидел подушки, лежащие на полу и прижавшего уши кота, выбивающего из них пух своей кочерыжкой. Конечно, от увиденного Светлов был в шоке и прямо сказал родителям, что коту нужно отрезать яйца. На что мама ему ответила:

– Зачем резать? Пусть играет котик. Нам жалко его, он

ведь у нас такой миленький...

Позже этот «миленький» совокуплялся и с тапками Светлова, и с его шапками, с прочими вещами, которые потом пришлось выкинуть. Кстати, неуёмная сексуальная энергия кота – это только один из его «минусов», за которые Андрей его ненавидел. И этот «минус» – самый безобидный, с которым, как показала жизнь, можно смириться. А вот с остальными – нет!

Но в канун Нового, 2016 года Андрею было насрать и на кота, и на Настькину шубу. Его больше волновали другие вопросы.

«Интересно, как я до квартиры дошел? – думает Андрей. – Сам или она дотащила? Ну, раз её удар меня отрезвил, значит, сам!»

На экране телевизора – знакомая картинка: Президент РФ на фоне Кремля поздравляет россиян с Новым годом. Но Андрей его не слушает. Он уверен в том, что, кажется, что Президент говорил то же самое и в прошлом, и в позапрошлом годах. Наверное, только предложения местами менял. Смысл его речей – всегда один и тот же: мы все хорошо потрудились в прошлом году, и пусть у всех всё будет хорошо в следующем году. Ля-ля-ля-трюфеля! В общем, ничего нового, ничего интересного. И только Настька заморожено смотрит на экран телевизора, не в силах отвести глаз от Президента. Слово он её загипнотизировал.

Ещё тогда, когда Андрей жил с родителями, маман заме-

тила, что он не любит смотреть обращения главы страны к многострадальному народу и отказывается под бой курантов пить шампанское. Конечно, маман не удержалась и задала Светлову вопрос, что называется, лоб в лоб. Тогда он не стал юлить из стороны в сторону, а просто заметил, что от шампанского у него газы, а от обращений первого лица государства к простому народу его тянет в сон. Быть может, он сказал немного не так – кто это вспомнит, ведь столько времени прошло, – но всё равно маман разозлилась.

– Как ты смеешь, говнюк, так говорить про нашего президента? – Да-да, она сказала это именно так. Так она могла говорить только в гневе, когда её голос менялся до непривычно низкого, а глаза становились тёмными, почти черными. В такие моменты Андрею начинало казаться, что к нему обращается какая-то сущность, сидящая внутри его матери. И эта сущность, общаясь с ним, пыталась прорваться наружу. Могла и убить ненароком, и покалечить. Даже, будучи взрослым, он её до усрачки боялся и в разговоре с матерью старался тщательно подбирать слова, дабы не будить лихо, пока оно тихо. И в ту Новогоднюю ночь, много-много лет назад он, похоже, подобрал нужные слова, не дав мамашинному демону вырваться наружу. Сейчас же он прикрыл рот рукой, чтобы ненароком не зевнуть, не ляпнуть чего лишнего и не разбудить демона, сидящего внутри Насти. А демон этот, судя по силе удара, был довольно страшным.

Челюсть болит, но Светлов не чувствует себя пьяным. Ви-

дать, удар Насти его отрезвил.

Красная коробочка с новогодним подарком для Настьки – золотой цепью с кулоном, – уже лежит под ёлочкой, запанная в мишуру. Об этом Светлов позаботился ещё в два часа дня.

У Насти сумка на коленях. Наверное, в ней лежит подарок для Андрея. Интересно, что она ему подарит? Вряд ли – золото. Наверное, какую-нибудь фигню бесполезную. Даже если ничего не подарит – ничего страшного. Самым лучшим подарком от неё будет минет. Но это будет позже. В том, что ЭТО будет, Светлов не сомневался. Раз она не уехала домой после неудачного фейерверка, уже не уедет. Остаётся только разлить по бокалам шампанское. Себе он нальёт, но пить не будет. Теперь-то точно не будет. И она вряд ли будет его заставлять пить. Наверное, поняла, что он страшен, когда пьяный. Главное – в неё влить как можно больше, чтобы расслабилась. Остальное, как говорится, дело техники.

Президент, наконец-то, закончил свою скучную речь, начался бой курантов. Андрей взял со стола очередную бутылку шампанского и начал её открывать. В это самое время в комнату с противным визгом заскочил кот. Он принялся носиться по гостиной, словно за ним кто-то гоняется, кто-то большой и страшный. В прошлый раз этим большим и страшным был Светлов со сланцем в руке. Помнится, это было месяца два назад, и котяра тогда каким-то образом забрался на сервант, сожрал дорогую сигару, а потом заблевал

всю кухню. Конечно, ни того, ни другого Светлов не мог ему простить и хотел наказать гада, чтобы больше у того не было соблазна дорогие сигары жрать. Но кот, несмотря на свою тучность, проявил тогда завидное проворство, и Андрей так и не догнал его. Видимо, устав от беготни по квартире, выдохнувшись, Тупой Урод каким-то образом – или чудом – втиснул своё жирное тело в узкий зазор между стеной и диваном. Там он и сидел, сверкая в темноте глазами. Светлов хотел отодвинуть от стены диван, но «прострел» в поясице помешал ему это сделать и привести наказание в исполнение. Он махнул на кота рукой и пошел на кухню, делать уборку. А кот просидел между стеной и диваном два дня. Как он оттуда вылез – одному Богу известно, но Мерзкий Уродец появился на кухне, гордо задрал хвост лишь тогда, когда есть захотел. Свою порцию «люлей» он тогда так и не получил, так как Светлов к тому времени «остыл» и не хотел тратить на Ходячую Мерзость ни своё драгоценнейшее время, ни силы. Да и спина немного побаливала.

Это было тогда, а сейчас Андрей просто крикнул коту:
– Вон отсюда!

Но лучше бы он этого не делал, так как, отвлекаясь на Во-нючего Гада, он забыл про закон подлости, который срабатывает лишь тогда, когда не ожидаешь от жизни никакого подвоха. Закон подлости сработал мастерски: стоило Светлову глянуть на кота, тоненькая проволочка, удерживающая пробку в бутылке, соскочила с горлышка, пробка со скоро-

стью пули выскочила из бутылки и угодила Насте в лоб. Почти всё шампанское под давлением вырвалось из бутылки и залило Насте лицо и платье, начиная от декольте и почти до самого низа.

Какое-то время Анастасия молчала. Она сидела с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами, держась за ушибленный лоб. Когда она убрала руку от лба, Андрей увидел красное пятно на том месте, куда попала пробка. Пятно темнело, превращаясь в синяк, напоминающий индийский знак. Хотя это был даже не синяк, а так, синячок, а платье можно было при желании просушить, всё равно это был конкретный «косяк» Светлова, один из прочих «косяков» которых за один только вечер 31 декабря 2015 года набралось больше, чем за целый год.

– Настенька, солнышко моё! – Андрей поднялся с дивана и потянулся за салфеткой. – Прости! Это всё кот, ты же видела...

Настя перехватила его руку, с зажатой в ней салфеткой, тянущейся к мокрой груди с задорно торчащими сосками, и ударила Светлова в челюсть. Удар был таким сильным, что Андрей перелетел через подлокотник и упал на пол, больно врезавшись спиной в сервант. Несмотря на головокружение – то ли последствие долгоиграющего опьянения, то ли нокаута, – Светлов заметил, как сильно качается сервант, а на самом его верху балансирует кувшинчик, готовый вот-вот свалиться на голову.

Кувшинчик...

Он купил его на крытом рынке около отеля, когда отдыхал в Египте. Не сказать, чтобы отпуск в этой солнечной стране ему понравился, но запомнился, в первую очередь, жарой и пирамидами, во вторую – любовной интрижкой с сорокалетней дамой из Эстонии и, конечно же, покупкой этого кувшина.

О существовании того рынка Андрей знал с самого первого дня пребывания в отеле, но прогуляться по нему он отважился лишь в последний день своего пребывания в этой солнечной стране, в отеле, название которого из памяти напрочь стёрлось, да и чёрт с ним! Понятное дело, это был единственный день, когда Светлов был абсолютно трезвый. А на рынок он шёл для того, чтобы на сэкономленные деньги купить сувениров родственникам и коллегам по работе.

Тот рынок, правильнее сказать базар, шокировал Светлова огромным количеством товаров, выложенных на лотках. Там было всё: от еды до одежды и сувениров. Пока Андрей изучал товар, приценивался, торговцы-арабы чуть руки ему не оторвали, дергая за рукава одежды и приглашая в свои лавки. Но Светлов не торопился ничего покупать. Он просто ходил и смотрел, как на экскурсии. Когда такое в России увидишь? Да никогда!

Шум, толкотня, разнообразие запахов, арабы, арабы и ещё раз арабы. Иногда мелькали красные рожи соотечественников.

И тут из одной лавчонки выскочил араб, похожий на азербайджанца. Он очень быстро разогнал зазывал, висящих на руках Светлова и, подойдя к нему, на чистейшем русском произнёс:

– Чем я вам могу помочь, господин? – Не дожидаясь ответа, он продолжил, даже без малейшего намёка на акцент: – У меня есть всё. Всё хорошего качества и недорого. Следуйте за мной, господин!

Ну, как тут откажешься, когда такой сервис, когда с тобой общаются на родном языке и готовы помочь с покупкой? К тому же, этот араб, похожий на азербайджанца, был одет, как арабский шейх: на нем был белый наряд, сшитый словно из простыней, кожаные шлепки на ногах, на голове – белый платок, перевязанный жгутом. Своим внешним видом он выгодно отличался от остальных торговцев, которые были в простых футболках, шортах и сланцах. И Андрей не удивился бы, если бы увидел в его торговой точке живого верблюда. Но верблюда в лавке «азербайджанца» не было. Зато всяких сувениров и шмоток там было завались!

Цены у «азербайджанца» были даже ниже, чем у остальных торговцев, а ассортимент значительно разнообразнее. Единственное, что не понравилось Андрею, как только его нога переступила порог лавочки, «азербайджанец» вдруг вышел из роли и, как самец шимпанзе, начал скакать по своему магазинчику и противно кричать, тыкая пальцем в свои товары:

– Тен долларз, фри долларз... фай долларз... ту долларз...

Когда Светлов спросил торговца, где у него в магазинчике можно посмотреть магниты, выяснилось, что тот и русский язык чудесным образом «подзабыл». Скорее всего, он и не знал его, оттачивая единственную известную ему фразу на русском на десятках или, может, на сотнях тысяч русских туристов. Но произносил он её мастерски! Андрей ему даже поверил. А тут, оказывается, он мало чем отличается от тех зазывал, которые Андрею прохода не давали. А его внешний вид – всего лишь обложка, за которой нет ничего святого, как у большинства местных торгашей.

– Ай вонт магнитс, – ещё раз повторил Андрей на ломанном английском, пальцами руки изображая магнит, который он прилепил к груди.

– А!.. Магнитс, – араб схватил его за руку и потащил в дальний конец магазина, не забывая по пути демонстрировать те товары, которых Светлов не ещё видел, и выкрикивать цену в долларовом эквиваленте. Голос у него и вправду был противным.

В магазинчике было душно, голос торговца действовал на нервы. Поэтому Андрей даже не торговался и особо не приглядывался, что изображено на магнитах: верблюды, пирамиды или ещё какая-нибудь хрень. Ему было всё равно, лишь бы быстрее уйти оттуда.

Увы, одними магнитами дело не ограничилось. Хитрый

торговец умудрился «впарить» Андрею такой же, как у него белый платок и такие же шлепки. Причем, Светлов сомневался, что шлепки из натуральной кожи, но всё равно взял их.

Все покупки араб упаковал в один пакет. Когда Андрей, схватив этот пакет, с выражением облегчения на лице рванул к выходу, торговец схватил его за запястье. Хватка у него была очень крепкой. Такой, что и руку не вырвать.

– Что ещё? – спросил Андрей на русском, так как от неожиданности у него из головы вылетел весь скудный запас английских слов. Конечно, в другой ситуации он бы спросил по-английски: «What else?» или: «What the hell do you want from me?» Но, похоже, торговец понял смысл фразы, произнесённой по-русски.

– One moment, please! – араб, похожий на азербайджанца, поднял к сводчатому потолку указательный палец.

– Что ещё за момент? – Светлов начал терять терпение.

– Сувенира, – торговец протянул Андрею кувшин, сделанный из какого-то странного материала. Это был явно не металл, не керамика, не пластик. На кувшине красовались какие-то рисунки, изображающие людей и животных, какие-то древние письмена. Кувшин был запечатан пробкой.

– Это ещё что? – Светлов сдвинул брови, беря кувшин в свободную руку.

– Сувенира, – повторил араб. – Вери гуд сувенира... Твен-ти долларз!

– Ты еба... – Андрей замолчал на полуслове, глядя на кувшин. Ему вдруг показалось, что рисунки на поверхности кувшина стали рельефными и пришли в движение. Люди сменились птицами, вместо диких животных появились пирамиды, надписи изменились.

– Файв бакс, – выпалил Андрей, выставив перед собой растопыренную пятерню.

Араб отрицательно завертел головой.

– Фифтин!

– Сикс бакс! – Светлову вдруг очень захотелось купить эту чудную вещицу. Но денег оставалось немного, а переплачивать за сувенир Андрею не хотелось. Поэтому он решил сбить цену.

– Тен, – торговец тяжело вздохнул. Так тяжело, словно он отдаёт этот кувшин задаром, от сердца отрывает.

– Идёт!

Они ударили по рукам. Светлов протянул «азербайджанцу» десятидолларовую купюру, выхватил у него из руки кувшин.

Убирая кувшин в пакет, Андрей почувствовал тепло, исходящее от стенок кувшинчика.

– И всё-таки, что это? – Светлов обратился на русском, устав вспоминать английские слова.

– Сюрпрайз! – ответил продавец, широко улыбаясь. По нему было видно, что он очень доволен сделкой, хотя получил за свой товар в два раза меньше.

Был доволен и Светлов. Только он не понимал, почему кувшин закупорен пробкой. Что там может быть внутри? Древнее, злое проклятье, начертанное на папирусе? Старое вино? Благовония? Туалетная вода? Может, там кусок урана? Поэтому кувшинчик сам по себе нагревается.

Потом разберемся! Не выдумывай глупостей!

По пути в номер он не мог вспомнить, что последнее сказал араб про кувшин: сувенир или сюрприз? Ему казалось, что «сувенир», но мозг отказывался это принять. Сюрприз! Хитрый торговец сказал слово: «Сюрприз!»

Войдя в номер, Андрей ещё раз посмотрел на кувшин, доставая его из пакета. Опять ощутил тепло, рисунки и надписи стали другими.

И всё-таки, сувенир или сюрприз? Уже не важно! Назад я его не верну. Мне нравится эта вещь. Нравится!

Вечером он показал кувшин своей подруге из Эстонии – Лауре. Эстонка долго рассматривала кувшин, пыталась ногтем скосырнуть пробку. Увы, пробка ей не поддалась, а рисунки и надписи вообще исчезли. Кувшинчик в её руках стал обыкновенным, ничем не примечательным. Так, дешёвка, которая не стоила и двух долларов.

«Похоже, торгош меня поимел, – подумал тогда Андрей. – Фуфло мне за десятку втюхал... Но почему я видел картинки, чувствовал тепло? Может, азер меня загипнотизировал?»

– И всё-таки я тумаю, что это сувенир, – заключила Ла-

ура, ставя кувшин на тумбочку. – Протафец не тал тепе инструкцию?

«Ну, ты и тупая!» – подумал Андрей, глядя на свою эстонскую подругу, но вслух произнес:

– Нет. Похоже, он даже слов таких не знает.

– Сначит, это просто должно стоят как украшение интерьера. Вот и пуст сепе стоит. Забудь об этом, выкинь ис голофы. И тафай займёмся телом, а то тепе улетать скоро... – Лаура скинула с себя лёгкую пляжную накидку, оставшись, в чем мать родила, и с грациозностью кошки прыгнула кровать.

До самого отъезда в Россию – того самого момента, когда к отелю подъехал автобус, который повез полупьяных россиян в аэропорт, – Светлов не вынимал из эстонки член. Секс с ней был незабываемым и ярким, а оргазмы – волшебными. Прежде Андрей не испытывал ничего подобного ни с одной женщиной. Несмотря на внешнюю угловатость и зажатость, в постели Лаура оказалась очень пылкой и изобретательной. Занимаясь с ней любовью, Светлов пересмотрел своё отношение к эстонцам. Оказывается, то, что они слегка заторможенные – миф, стереотип. Эстонцы – классные! Особенно – их женщины.

Каждый раз, извергая огненную лаву своей страсти в Лауру, Андрей приподнимал голову, ища своими губами губы эстонки. И взгляд его всегда упирался в кувшин. И он готов был поклясться всем, чем угодно, что этот сувенир светится

изнутри каким-то голубоватым мягким светом, который отражался в потолке и в глазах Лауры. Но, когда Светлов вышел на балкон, чтобы покурить, кувшинчик переставал светиться.

Когда комфортабельный «Боинг» нёс поддатого Андрея в Россию, он долго думал – благо, времени было предостаточно, – про этот сувенир-сюрприз, и пришел к выводу, что это всё-таки сувенир. А потому он так плотно запечатан, чтобы ни у кого не возникало соблазна добраться до лампы и до аккумулятора. Хотя и выглядит этот «сюрприз» как антиквариат, но на самом деле это – Светлов готов был биться об заклад, – китайская подделка. И скоро такие подделки наводнят все сувенирные лавки в России, если уже не наводнили. Именно поэтому Андрей решил подарить этот кувшинчик своему боссу. И повод был – близилось 22 июля, день Рождения Станислава Игоревича.

Однако за день до «денюхи» шефа, когда Андрей достал с верхней полки серванта кувшин, на него вдруг лавиной обрушились воспоминания о поездке в Египет, о Лауре, с которой он ставил сексуальные рекорды, но которая почему-то не ответила ни на одно из его сообщений в социальных сетях. Опять-таки, рисунки – они изменились, надписи – тоже. Светлова это могло бы не остановить, и кувшинчик сейчас стоял бы в шкафу в кабинете директора «Торгоптимы», но этот странный египетский сосуд вдруг засветился в руке Андрея. От руки по всему телу начала разливаться волна како-

го-то необъяснимого спокойствия и безмятежности. Светлову в тот момент стало необычайно хорошо, хотя за минуту до этого он волновался по поводу дня Рождения Станислава Игоревича и переживал, что подарок может ему не понравиться. И тогда его – Андрея – карьере придет конец.

«Не придет никакой конец! – подумал тогда Светлов. – Подарок из Египта – это всегда круто, каким бы он ни был. В любом случае, дареному коню ни в рот, ни под хвост не заглядывают. Так что, подарю что-нибудь попроще. И пошёл он в жопу, этот зажавшийся боров!»

Неизвестно почему, но в тот момент расставаться с кувшином Андрею ой, как не хотелось! Но и магнитики дарить директору тоже было не солидно. Поэтому он подарил ему платок. Да-да, тот самый белый платок, который продал ему в Египте араб, похожий на азербайджанца. Тот самый платок, который со дня возвращения на Родину так и лежал в шкафу, где-то на полке, между трусами и майками.

И он понравился боссу! На корпоративной вечеринке, устроенной по поводу «денюхи» шефа, Станислав Игоревич ходил в этом платке, перевязанном черным жгутом. В этом же платке он, будучи пьяным «в говно», приставал работницам фирмы, пока ещё мог ходить и говорить. Этот же платок был у него на голове, когда телохранитель с водителем – крепкие ребята, прошедшие через Чечню, – грузили его в «Лексус». Больше этот платок Светлов не видел, и на судьбу его Андрею было насрать. И он был счастлив, что не подарил

боссу кувшин. Наверняка, старый пердун разбил бы его на том же корпоративе.

А кувшинчик, если его рассматривать как осветительный прибор, работал как-то странно, когда ему вздумается. Как кот, который гуляет сам по себе. Загорался он, чаще всего, когда Светлову было хорошо или у него просто было хорошее настроение: когда он покупал что-то новое из одежды, когда покупал какую-нибудь красивую вещь, когда заключал удачную сделку, когда приходил навеселе с корпоратива или трахал на диване в гостиной какую-нибудь из своих подружек. Причем, последнее и предпоследнее всегда сочеталось, шло в одном комплекте.

Но Светлов не знал, как ведет себя «чертов горшок», когда его не было дома. И он не сомневался, что кувшинчик так же включается сам по себе и выключается. В отсутствие Андрея он светится, освещая гостиную для кота. И его приятный, голубоватый свет отражается в мерзких глазках котятры, когда тот гадит в гостиной.

И такого осветительного прибора не было ни в магазинах – Андрей специально интересовался этим, чтобы узнать, на какую сумму араб его «нагрел», – ни у кого из его друзей, родственников, знакомых. Не было информации о таких кувшинах и в интернете. Из чего Светлов сделал вывод о том, что он – владелец уникального сувенира и никому его никогда не отдаст, не подарит и не продаст. Ни за какие деньги.

К слову сказать, соседка откуда-то снизу – сторбленная

пожилая женщина, похожая на сказочную ведьму, с крючковатым носом, с пальцами, изуродованными артритом, утверждающая, что она подруга матери Андрея, – иногда заходила в гости. Она приносила Светлову пироги, гладила и кормила кота.

Пироги были с каким-то противным привкусом. И хотя старушенция говорила, что этот привкус достигается благодаря каким-то там восточным пряностям, глядя на её покрытыми тёмными пятнами, скрюченные руки, Андрей те пироги никогда не ел, скармливая их коту. После этого кот начал беситься и пакостить, за что отгребал «люлей» по полной программе.

Хотя во время «визитов вежливости» бабки кувшин не проявлял никаких признаков жизни, она заметила его и стала предлагать Андрею «за эту безделушку» деньги. Она готова была выложить за него пять тысяч рублей, но Светлов отказал ей. Тогда цена возросла до десяти тысяч.

Конечно, Андрею было любопытно, почему пенсионерка способна выложить такие деньги «за эту безделушку», в то время, как она может потратить эту сумму на лекарства. И в один прекрасный момент он задал старухе вопрос.

– У моей сестры был такой же кувшинчик, – ответила она и добавила: – У покойной... Я её очень любила.

И, как только Светлов собрался задать вопрос о том, что же из себя представляет кувшин: сувенир, осветительный прибор или и то, и другое, старуха выскочила из его кварти-

ры.

«Ну, и слава Богу, что свалила! – подумал тогда Андрей. – Хоть больше приходиться ко мне не будет. Достала!...»

Действительно, общение со старухой – как и в случае с котом, Светлов всегда забывал её имя, – не приносило ему удовольствия. После того их разговора её костлявые ноги ещё долго не переступали порог его квартиры. Где-то в глубине души Андрей надеялся, что бабка по-тихому преставилась, но не тут-то было! В один прекрасный день старая карга опять нарисовалась под дверями квартиры, одной рукой трезвоня в дверной звонок, а второй прижимая к обвислой груди ракет с пирожками.

«Когда же ты угомонишься, дура старая?» – подумал тогда Светлов, а вслух сказал:

– Ой! Сколько лет, сколько зим... Я уже по вашим пирожкам скучать начал!

При этом он улыбался. «Оскара» нужно было дать за такую актерскую игру. Не дали. Ну, и ладно! Всё равно, где-то в глубине души он был актером. Не зря же он целый год ходил в школьный театральный кружок, где блистал на сцене актёрского зала. Так как в детстве Светлов довольно-таки упитанным ребёнком (правильнее сказать – жирдяем), ему доставались только крупногабаритные роли. Поэтому он мастерски сыграл Винни-Пуха, медведя в сказке про Колобка, одного из толстяков в «Трёх толстяках» по сказке Юрия Олеши.

Хотя родители говорили, что он в театральном кружке зря

теряет время, и «лучше бы занялся штангой или боксом», играть ему нравилось. Играл он вдохновенно. Так, например, в сказке про Колобка он вложил всю душу в короткую реплику: «Колобок, Колобок, я тебя съем!» Это звучало так грозно, что первоклассник, который играл Колобка, от страха описался. Первоклашке тоже стоит отдать должное: с мокрым пятном на штанах он доиграл спектакль до конца и делал вид, что ничего не случилось.

Самой скучной актерской работой была роль репы в «Сказке про репку». В то время как все актёры пели и плясали, Андрей просто сидел в желто-зеленом балахоне посередине сцены и смотрел на плакат с надписью: «Слава КПСС!» В финале нужно было красиво завалиться на бок, дескать, вытащили. Больше ему ничего делать не нужно было, да от него и не требовалось.

Зрители – тупая школолота – смеялись, показывая на Светлова пальцами. А он сидел и смотрел на этот сраный плакат. Сидел и смотрел от поднятия занавеса до заваливания на бок, делая вид, что не обращает внимание на поющих и танцующих вокруг него персонажей сказки. А ведь он знал, кто и что должен делать на сцене, кто и что должен говорить. Мог сыграть кого угодно: Дедку, Бабку и даже Мышку, но подходил только на роль Репки. Это сейчас, будучи взрослым, Андрей Репку мог наградить такими эпитетами, как: «тупая» и «долбаная», а тогда, как это ни странно, ему даже роль без слов нравилась.

«А я старый дедка! Нет сил вытянуть репку!»

«...Я ведь всего лишь маленькая внучка, сил вытянуть репку нет. Пусть поможет мне Жучка! Жучка, привет!..»

Наградой за роль Репки были лишь аплодисменты и смех, в то время как платой за общение с бабкой были пирожки. Причем, неплохие, вкусные. Но игра на сцене Светлову нравилась, а вот игра в жизни – как-то не очень. Охотница на египетские сувениры, наверное, даже не догадывалась, что, изображая внимательного и общительного человека, интересного собеседника, Андрей много раз представлял, как он хватается бабулю за шею и душит её. Или как бьет её с такой силой, что из её лягушачьего рта вылетает вставная челюсть. Если при этом с её носа свалятся очки, можно их раздавить ногой. Ещё ему хотелось «приколоться»: открыть дверь, выхватить из её рук пирожки, развернуть её лицом к лестнице, ведущей на седьмой этаж, и дать хорошего пинка, чтобы она по лестнице не бежала, а катилась кубарем...

Если учесть тот факт, что старушенция с пирожками носила визиты вежливости именно тогда, когда Андрей был злым, уставшим или просто плохо себя чувствовал, а потому никого не хотел видеть и ни с кем не хотел разговаривать, актерское мастерство ему приходилось включать на всю катушку, иначе он уже сто раз бы сорвался и сделал то, что только прокручивал в голове. Не исключено, что за это мог бы поплатиться свободой.

Если бы у Андрея спросили, что хуже двадцать минут си-

деть на сцене и не двигаться, ощущая, как деревенеет задница, пляясь на плакат «Слава КПСС!», или минута общения с противной, назойливой бабкой, Андрей выбрал бы второе.

Пошла в жопу, старая дура! Хрен тебе, а не кувшин! Давай свои пирожки и иди на х...

Словно чувствуя, что Андрей не хочет продавать ей кувшинчик, бабуля решила сделать вид, что забыла о сувенире из Египта. После чего к этой теме они не возвращались. Но пирожки старая стерва приносила ещё много-много раз. Именно на них кот отъелся и стал круглым идиотом в прямом смысле.

И вот теперь этот кувшин, с которым у Светлова связано столько воспоминаний, как маятник, качается на краю верхней полки серванта. Андрей смотрит на него снизу вверх, понимает, что если кувшинчик упадет, то разобьётся. Его больше не будет. Из него выпадут все его внутренности – лампы, батарейки, проводки или что там ещё может быть. Он не будет светиться, и не останется в квартире больше ничего, что бы напоминало о Лауре.

Может, устоит? Нет! По закону подлости кувшинчик падает. Словно самоубийца, решившийся после долгих раздумий шагнуть с крыши многоэтажки.

– Нет! – кричит Светлов, прикрыв голову рукой. В следующее мгновение с его уст сорвалось ругательство. И это непечатное слово, оно будто повлияло на траекторию полёта «сувенира-сюрприза». Кувшин отклонился в сторону и,

вместо того, чтобы угодить Светлову в голову, приземлился у него между ног, подпрыгнул на полметра и откатился по полу в дальний угол комнаты, у окна, рядом с новогодней ёлкой.

На паркете осталась глубокая царапина – этакий смайлик, говорящий о том, что ещё полсантиметра, и Андрею не пришлось бы переживать ни по поводу ссоры с Настей, ни с любой другой дамой. Кому он без яиц был бы нужен? А кувшин, набрав скорость, запросто мог бы их превратить в яичницу.

К счастью, ничего этого не случилось, да и «сувенир-сюрприз» не разбился, как того ожидал Светлов. Это хоть немного, но успокаивало.

Вдруг котяра, который до того момента где-то прятался (не исключено, что в пространстве между стеной и диваном), начал с противными воплями носиться по комнате, прижав уши. Он так громко визжал и так быстро убегал от воображаемого врага, что казалось, ему под хвост скипидаром брызнули. Да только не было у Андрея никакого скипидара, а Жирный Ублюдок вёл себя как-то странно. Странно – это ещё мягко сказано.

Раздался хлопок, от которого Тупой Урод начал бегать ещё быстрее, а орать ещё противнее. Пробка кувшина – та самая, которую Андрей из любопытства ранее много раз пытался сковырнуть ножом, вилкой, стамеской, отверткой, но безрезультатно, – вдруг отскочила в сторону. Светлов ожидал увидеть, как наружу посыплются детальки механизма,

который заставлял кувшин светиться, а рисунки – меняться, но этого не произошло. Из «сувенира-сюрприза» наружу повалили клубы густого тёмно-серого дыма. Стало почему-то прохладно, и Светлов почувствовал, как его бьет мелкая дрожь.

Понимая, что сейчас дым расползется по всей квартире и завоняет её, Андрей, матерясь и чертыхаясь себе под нос, поднялся с пола, подошел к окну и распахнул его настежь. В лицо ему тут же ударил холодный воздух, перемешанный с хлопьями снега, отчего Светлова пробрал озноб.

Снег залетал в квартиру, падал на паркет и тут же таял, превращаясь в небольшие лужицы. Но Андрею на это было наплевать. Он их практически не видел из-за дыма, заполнившего комнату. Почему-то этот дым был без запаха. От него не першило в горле, не щипало глаза.

«Значит, в чертовом горшке было что-то страшнее батареек и лампочек», – решил Светлов.

Отчасти он был прав, но лишь отчасти.

От холода его уже конкретно трясло. Андрей подумал, что будет не лишним одеть на себя что-нибудь тёплое, а то можно будет простыть к моменту окончания проветривания. И он побежал в прихожую за дублёнкой. Натягивая её на себя, отметил, что в прихожей дыма нет совсем.

Из гостиной вдруг слышались перемешанные с кошачьим визгом крики Насти, и Андрей, не успев застегнуться, снова побежал туда. Судя по громкости Настькиного крика,

она горела, полыхала, и Светлов ожидал увидеть живой факел, бегающий по задымленной комнате.

Настя, действительно, бегала, но не горела. И орала она не из-за огня и даже не из-за дыма – весь дым собрался в том углу комнаты, куда укатился кувшин и дальше не распространялся. Причиной криков Анастасии явился кот, который по непонятной причине вцепился всеми четырьмя лапами в ногу девушке и не отпускал её, несмотря на шлепки по голове, которые сыпались на него барабанной дробью. То, что рука у Насти сильная, Андрей знал на личном опыте, но и кот не отпускал её ногу, значит, крепко в неё вцепился.

Сняв с ноги тапок, Светлов кинулся на помощь своей подруге. Видать, в тот самый момент кот понял, что ему сейчас не поздоровится и втянул когти. Он уже хотел спрыгнуть на пол и, судя по тому, как смотрел в сторону дивана, спрятаться там, откуда его никто не выцарапает, но Настя резко дернула ногой, запустив Тупого Урода в воздух, как футбольный мяч. Хотя в полёте он больше был похож на покрытую шерстью сардельку. Кот пролетел через комнату и угодил в телевизор, оставив на жидкокристаллическом экране расходящиеся в разные стороны трещины и пучки шерсти. Экран телевизора, агонизируя, пару раз моргнул на прощание и погас.

Крепления телевизора не выдержали столь мощного удара, и он с грохотом упал на пол. Кот к тому времени уже был на полу и вертел из стороны в сторону головой. Он был испу-

ган, его глаза были размером с пятирублевою монету. Звук упавшего телевизора испугал Тупую Тварь ещё сильнее, и котяра, не раздумывая – думать-то ему, было нечем, и Светлов был в этом уверен на все сто процентов, – прыгнул на подоконник. Раньше он часто так делал, чтобы спрятаться за шторой и, тем самым, избежать наказания за совершенное «преступление», которое либо воняло на всю квартиру, либо наносило такой ущерб Светлову, что его трясло от злости. Кот это чувствовал, а потому умело прятался.

За годы, прожитые с Андреем, Мерзкое Отродье научилось быстро и бесшумно забираться на подоконник и изображать за шторкой горшок с кактусом. Но в тот злополучный вечер кот явно перенервничал, у него, как говорится, окончательно сорвало и без того снесенную крышу. Он не смог рассчитать силу толчка и вылетел в окно. Видимо, в последний момент этот Акела сообразил, что промахнулся, но уже было поздно что-либо изменить или исправить. Послышался звук «мя-я-я!», царапанье когтей по карнизу, а потом Жирный Урод совершил свободное падение с восьмого этажа многоэтажного дома. Первое и последнее падение в своей короткой, никчемной жизни.

– Твою мать! – сорвалось с губ Андрея. Это был даже не возглас, а крик души. Подумать только, любимый кот его маман только что сиганул вниз из открытого окна. Хрен с ним, с лохматым гадом, но что будет с маменькой, если с ним что-нибудь случится? Как отреагирует она на известие о смерти

её любимого котика? А вдруг он всё-таки выжил?

С гулко бьющимся сердцем Светлов подошел к окну и глянул вниз. Он ожидал увидеть кота, распластавшегося под окнами, толпу людей, собравшуюся вокруг него. Андрей даже представлял, как люди сочувственно качают головами и показывают пальцами на открытое настежь окно. ЕГО окно. Однако то, что он увидел, представить у него не хватило бы фантазии. Да, внизу кольцом стояли люди, которые полминуты назад радовались Новому году и праздничному фейерверку, радостно орали во всё горло «ура». Да, они качали головами и указывали пальцами на окно Светлова. И, если бы их пальцы могли стрелять, из Андрея уже сделали бы решето. Но в центре круга почему-то лежало не толстое и серое кошачье тельце, а тело голого мужчины. Да-да, именно голого мужчины. Это не могло показаться, так как мужчина хорошо освещался фонарями уличного освещения – а он как раз лежал под фонарем, – и вспышками салюта. Несчастный лежал на животе, сверкая ягодицами, раскинув в стороны руки и ноги. Под ним виднелось что-то тёмное. Светлов не сомневался, что это кровь.

В тот момент Андрей был уверен в том, что жирный кот упал на голову безумцу, который голый бегал по двору. В это не верилось, что летящий из открытого окна кот и голый мужчина когда-нибудь в какой-то точке пересекутся, но это произошло! Почему мужик был голым – перебухал или кому-то проспорил, – уже неважно, но он был мёртв! И уже

сегодня и кот, и тот нудист-неудачник станут звездами всевозможных видеохостинговых сайтов, а к Андрею возникнут вопросы у правоохранителей. Ведь это его кот убил человека. Человека!

Вот дерьмо-то! Это надо ж было попасть в такой переплёт!

Эти мысли пронеслись в голове со скоростью пули. От них Андрея бросило в жар, а ноги вдруг стали ватными. Полностью погрузившись в свои невесёлые размышления, он не слышал, как Настя обозвала его ушлёпком, оделась и ушла, громко хлопнув дверью. Да и чёрт с ней, с Настей! Сейчас она – прошлое и нечто несущественное. А впереди маячит будущее, которое может пройти за колючей проволокой.

Внезапно из угла, в котором по-прежнему клубился дым и лежал кувшинчик, отчетливо послышался женский голос на иностранном языке. Этот голос был настолько громким и неожиданным, что Светлов вскрикнул и дернулся всем телом. Одновременно с этим периферийным зрением Андрей увидел, как туман приблизился к нему и начал обволакивать, словно обнимая. В тот самый момент ноги Светлова скользнули по лужицам, оставшимся от снега, и он неуклюже перевалился через подоконник. В последний момент Андрей пытался ухватиться за карниз, но тщетно – руки проскользили по снежной корке, как по мокрой клеенке, а в сжатых кулаках остался только снег. Светлов скользил на животе всё ниже и ниже, пока его ноги не оказались выше головы. В тот са-

мый момент он с криком полетел вниз. В полёте он кувыркнулся, перевернувшись на спину, и ему было видно разукрашенное салютом тёмное небо и быстро бегущие вверх, светящиеся окнами этажи. В окнах виднелись фигуры сидящих за столами, снующих туда-сюда и танцующих людей, которые напьются, и им никакого дела не будет до Андрея Светлова, выпавшего из окна собственной квартиры в новогоднюю ночь. Выпавшего вслед за котом, которого он до глубины души ненавидел. В полёте он махал руками. Нет, он не надеялся, на то, что это притормозит полёт, просто, вылетая «дельфинчиком» из окна, он хотел хоть за что-нибудь уцепиться, и это желание не покидало его все те секунды, которые длилось падение. Но под руками был только воздух. Холодный зимний воздух.

«Нет! Я не хочу умереть так», – пришла в голову Андрея мысль как раз в тот момент, когда он должен был шмякнуться об землю всеми своими восьмьюдесятью тремя килограммами, а душа непременно должна была выйти из тела.

Понимая, что сейчас будет не просто больно, а очень больно, так больно, как не было больно ещё никогда в жизни, Светлов зажмурил глаза.

Соприкосновение с землёй было, на удивление, мягким. Андрей чувствовал снег, холодящий затылок, спину и всё, что ниже, морозное щекотание в носу. Он отчетливо слышал хлопки взрывающихся в небе ракет, восторженные крики людей. Воздушный шар, раздувающийся в его груди по

мере приближения к земле, который, казалось бы, мог разорвать грудную клетку, вдруг стал сдуваться. Он становился с каждой секундой всё меньше и меньше в размерах, пока совсем не исчез. И только сердце билось так сильно, что его удары отдавались в голове, заставляя вибрировать барабанные перепонки.

Светлов чувствовал, Светлов слышал, Светлов дышал. Правда, дышал он, как загнанная лошадь. Но ведь этого не могут делать мёртвые. Значит, он жив. ЖИВ! Но, где же боль, которая должна была взорваться в каждой клеточке его тела перед тем, как сознание покинет его раз и навсегда? Откуда ощущение, что он не упал с восьмого этажа, а просто прилёг на мягкий снег, будто желая отдохнуть? Может, это перелом позвоночника, поэтому и нет боли? Но, с другой стороны, как можно чувствовать всем телом холод, если позвоночник сломан? Только кожей затылка!

Андрей открыл глаза. Увидел электрический свет, бьющий из окон, распахнутое окно на восьмом этаже – его окно, снежинки, падающие на лицо. Они напоминали Светлову кружевные трусики Насти, которые ему уже, скорее всего, не увидеть на ней, не сорвать с неё в порыве страсти. Странно, что такие мысли в голову приходят после падения с высоты, не правда ли?

Впрочем, думать Андрей мог, а это уже что-то значило. Стало быть, всё не так уж плохо, не безнадежно.

Его глаза видели, могли открываться и закрываться. Это

было очень даже неплохо для того, кто выпал с восьмого этажа. Это значило, что он не всё себе отбил при падении, что не могло не радовать. Если позвоночник и вправду сломан, с родственниками можно будет общаться посредством морганий: один раз моргнул – «да», два раза моргнул – «нет». Может, наоборот. Но это уже неважно. Важно, что он жив.

Ладони замерзли. Светлов оторвал от снега сначала одну руку, потом вторую. Посмотрел на них, повертел кистями. Ничего не болело, движения давались без труда. Сцепив ладони, Андрей подул на них. Из рта вырвался пар, согрев руки.

– Всё-таки я жив! – произнес Светлов, радуясь звуку собственного голоса. Мёртвые этого тоже делать не могут. Осталось только выяснить, насколько пострадало тело после падения, чтобы морально подготовиться к тому, что его ожидает в ближайшие дни, месяцы или годы. Всё зависит от сложности переломов. Андрей согнул правую ногу в колене. Получилось легко и без боли. Проверить работоспособность левой ноги он не смог, так как увидел над собой лицо соседа Ромы.

– Вот это вы нажрались, ваше благородие! – сильные руки соседа схватили Светлова за грудки и мощным рывком привели в горизонтальное положение.

Всё ещё думая, что его кости ломаны-переломаны, Андрей пытался сказать Роме, чтобы тот был осторожнее, но, оказавшись на ногах, только промямлил нечто нечленораз-

дельное.

Он стоял на ногах! Ноги не болели. Сделав пару шагов, Светлов понял, что они ещё и двигаются. Он не падает, а это значит, что его вестибулярный аппарат не пострадал. Остановившись, Андрей принялся ощупывать руками своё тело. Оно не болело, и это было так здорово! Всё ещё не веря чуду, которое произошло, Светлов начал похлопывать себя ладонями. Результат тот же: никаких болевых ощущений.

Рома смотрел на него и с удивлением. Должно быть, со стороны Андрей смотрелся странновато.

– Что с тобой? – наконец-то спросил сосед. Видимо, ему надоело смотреть на телодвижения своего товарища.

– Проверяю, всё ли в порядке. Я только что с восьмого этажа упал! – Светлов указал пальцем на своё окно, которое вдруг оказалось закрытым, что Андрея немного шокировало. Зато настежь было распахнуто окно на шестом этаже, где жили какие-то маргинальные личности. Светлов с ними не общался, но был уверен, что они были алкашами или наркоманами. Может, и теми, и другими. И сейчас из тёмного окна квартирки маргиналов высунулась тёмная штора, которая трепыхалась на ветру, будто окно показывало всем язык.

Как это понимать?

Рома вдруг сдвинул брови и насупился. Подойдя к Светлову вплотную, он снова взял его за грудки, сильно встряхнул, словно хотел стряхнуть с него снег. Но одежда Андрея как была покрыта снегом, такой и осталась.

С шумом вдыхая ноздрями воздух, глядя в глаза, прошипел:

– Перегаром не пахнешь, но ведешь себя, как пьяный. Что-то мне подсказывает, что ты к наркоте пристрастился. Я прав?

На долю секунды вспышки фейерверка отразились в его глазах, что придало соседу зловещий вид. Хотя он всегда был добряком.

– Да нет, ты что? Я же тебе говорю, что... – И тут Светлов увидел то самое темное облако, которое было в его квартире. Только сейчас оно находилось слева от Ромы. И даже порывы ветра, который был довольно-таки сильным, не могли его развеять. Это был густой дым без огня и без запаха. – Я выпал из окна из-за этого...

– Что ты мне заливаешь? Если бы ты выпал из окна, ты был бы мёртвым, как тот нарик... – Роман махнул рукой в сторону толпы, окружившей голозадое тело, лежащее на снегу, и поспешил к ним. Обернувшись, бросил на ходу:

– Ты точно под кайфом! Заканчивай с этим...

Светлов на это ничего не ответил, так как его взгляд переместился от толпы людей, столпившихся вокруг тела к клубам тёмного дыма, которые пришли в движение и начали закручиваться по спирали и по часовой стрелке, словно вихрь.

– Что ты за хрень такая? – прошептал Светлов.

– Хрень такая... – эхом донеслось из глубины этого вихря, вперемешку с шумом ветра. По спирали закручивались

хлопья снега, конфетти, обрывки картонных коробок. Вихрь увеличивался в размерах, становясь всё больше и больше. К мусору и снегу добавились воробьи, голуби и вороны, где-то в глубине его стали сверкать молнии. Этот темный вихрь, как пылесос, втягивал в себя всё. С визгом в него влетела лохматая собака. Её закружило так быстро, что Андрей даже не смог определить, какой породы была эта собака. Испугавшись, что сейчас и его засосёт и закружит эта с каждой секундой увеличивающаяся в размерах воронка, Светлов начал пятиться, но сделал только один шаг и упал на спину. Вихрь начал притягивать его к себе всё ближе и ближе, волоча на спине по снегу ногами вперед. Причем, ноги поднялись вверх где-то на метр. И, чем ближе Светлова подтаскивало к воронке, тем сильнее становилось её притяжение, тем выше задирались его ноги. Его таз уже оторвался от земли, вот-вот оторвутся лопатки. Ещё немного, и его закружит, как ту тупую собачонку.

«Я – как мешок дерьма!» – родилось в голове Андрея, быть может, не очень удачное сравнение, но на тот момент – единственное. Он пытался тормозить руками, но тщетно. Вихрь притягивал его всё сильнее и сильнее.

Андрей хотел закричать о помощи, но с губ сорвалось лишь сипение, которое перекрывал собачий визг и шум ветра.

Когда его уже должно было оторвать от земли и закружить вместе с птицами, собакой и мусором в бешеном хороводе,

Андрей кинул взгляд на людей, которые стояли в каком-то десятке шагов от него в надежде, что хоть кто-нибудь поможет ему, но никто из толпы, похоже, ничего не видел и не слышал. Для них ни Светлова, ни вихря словно не существовало. Одни звонили куда-то по мобильным телефонам, другие на телефоны снимали лежащее на снегу голое тело, третьи обсуждали и спорили, указывая руками то на тело, то на дразнящее своим длинным языком окно шестого этажа.

Когда Андрей в очередной раз за новогодний вечер приготовился к самому худшему, тяга вдруг исчезла. Воронка снова стала облаком, но не тёмным, а светлым, как пар. Птицы разлетелись в разные стороны, оставив после себя лишь перья, которые вместе с мусором подхватил простой ветер и разметал по двору. Собачонка, которая оказалась пуделем, упала в сугроб. Выбравшись из него, она, поджав хвост и поскуливая, побежала в сторону стоянки и быстро скрылась из вида, затерявшись между машин. Там, на стоянке, пританцовывала Настя, пиная по колёсам машины отечественного производства, стоящей перпендикулярно её «тойотушке» и преградившей ей путь. И надо было крикнуть Настьке, чтобы вызвала такси, а не ехала за рулем пьяненькой, но Светлов отвлекся на светлое облако, мерцающее вспышками молний перед ним. Какое-то время оно висело неподвижно сантиметрах в тридцати над землёй, потом начало менять форму и надвигаться на Андрея. Не зная, что это за явление, и чего от него ещё можно ожидать, Светло в очередной раз начал пя-

титься. Он отходил назад, пока не уперся спиной в шершавый ствол тополя. А облако надвигалось на него, приближаясь всё ближе и ближе. Внутренний голос подсказывал Андрею, что нужно бежать как можно дальше, брать пример с той собачонки, но руки и ноги одеревенели и не слушались. Соприкоснувшись с деревом, Светлов будто сам стал деревянным. Ему оставалось только стоять и смотреть, что будет дальше. В тот момент он чувствовал себя тем самым мусором, который разбросал по двору ветер, брошенным окурком, который не способен каким-либо образом повлиять на свою судьбу. Оставалось только покорно ждать и смириться со своим положением.

Тем временем облако стало меняться. Его белые клубы вдруг собрались в шар диаметром около двух метров. Повисев неподвижно в воздухе несколько секунд, шар начал вытягиваться вверх и вниз, приняв форму песочных часов. Через пару секунд у песочных часов стали появляться руки, ноги и голова. Спустя ещё мгновение перед Андреем стояла обнаженная красавица, вся сотканная из белого дыма. Глядя в упор на Светлова, она что-то сказала ему на каком-то иностранном языке. Андрей не понял, что она ему сказала, но голос он узнал. Это был тот же голос, который он услышал в своей квартире перед падением из окна.

Видя, что Светлов её не понимает, девушка протянула руку к голове Андрея. В другой ситуации он бы отдернул голову, но его затылок был прижат к стволу дерева. Деваться

было некуда. Оставалось только верить в то, что туманная незнакомка не хочет причинить ему вред. Если бы хотела, то уже сто раз причинила бы.

Глядя на вытянутую руку девушки, Андрей думал, что она хочет потрогать его лоб, как это делают заботливые мамы, желая проверить, нет ли температуры у их детишек. Но призрачная рука легко прошла сквозь лоб и по самую кисть оказалась в голове. Андрей тут же испытал легкое покалывание, какое пусть даже редко, но бывает у него при ухудшении погоды или с перепоя. К счастью, это покалывание длилось недолго, и девушка убрала руку. В ту же секунду на ней оказалось красивое вечернее платье, подчеркивающее стройность точеной фигуры и соблазняющее глубоким декольте. Это платье было таким же туманным, как и сама девушка. Такое же платье было у Насти. Она купила его в Милане, и стоило оно как три дорогих костюма. Жаль, конечно, что больше не получится сорвать с неё это платье и вдуть ей по самые помидоры. Но вдруг ещё не всё потеряно? Вдруг всё наладится?

Словно прочитав мысли Светлова, призрачная красавица сменила платье на другое – более длинное, не с таким глубоким декольте, но не менее красивое. Повертевшись перед Андреем, как перед зеркалом, словно демонстрируя свои полупрозрачные прелести, она вдруг произнесла на чистом русском языке:

– Ты меня вызволил из тысячелетнего плена. Отныне ты

– мой господин. Загадай любое желание, и я его исполню.

Особо не раздумывая, Светлов загадал первое, что в голову пришло:

– Исчезни!

Да, это было его единственное желание. Он не знал, что за сущность перед ним, что от неё можно ожидать и тем более – можно ли ей верить. Привидение это или не привидение, с добрыми или с дурными намерениями, но всё-таки он боялся её. И будет лучше, если она исчезнет, испарится, словно её не было.

И она исчезла.

К Андрею тут же вернулась способность двигаться. Он оторвал своё тело от ствола тополя, про себя отметив, что вспотел под дубленкой, и пропитавшаяся потом рубашка неприятно липла к телу, холодя его.

Посмотрев по сторонам и поняв, что облачная дама действительно исчезла, он вышел из-за дерева и направился к толпе, суеотящейся над обнаженным трупом. Светлову не хотелось смотреть на труп голого мужика, но он почему-то хотел посмотреть на дохлого кота. Однако ни самого кота, ни его следов нигде не было видно. Зато под голым мужиком лежала... мёртвая бабка. Это была та самая бабка, которая закармливала его, Андрея, пирожками, положившая глаз на его египетский кувшинчик. Эх, знала бы она, что случится с кувшинчиком, наверное, пирогами не кормила бы и денег за этот сувенир нее предлагала.

Из-под двух тел натекла большая лужа крови, которая впиталась в корку снега. Только ни кота, ни его следов нигде видно не было. А какая-то женщина в черной шубке, в очках с толстыми линзами, приговаривала:

– Этот голый упал на женщину сверху... Он упал на неё... Прямо свалился... Я всё видела.

«А где же тогда кот?» – подумал Андрей, но говорить вслух ничего не стал.

Протиснувшись сквозь толпу, он на негнущихся ногах дошел до скамейки у подъезда, присел на неё и закурил. Сигариллы и зажигалка каким-то чудом оказались в карманах и не выпали из них даже при падении.

Чудо! Ключевое слово – чудо. Больше никак то, что произошло в эту новогоднюю ночь, не назвать и не объяснить. А что же всё-таки произошло с тем мужиком, с котом и с бабушкой? Кот упал на мужика, мужик на бабушку? Но где же кот? Выжил и убежал или сейчас лежит под бабушкой? Почему его никто не видел?

На стоянке по-прежнему пританцовывала Настя, попиная колёса перегородившей ей дорогу машины. Вот из соседнего подъезда вышел щуплый парень, направился к стоянке. Настя жестикулирует, что-то ему говорит. Не слышно, но, наверняка, кроет его матом. Она может. Едва парень отъезжает в сторонку, Настина «тойотушка» с пробуксовкой срывается с места. Она мчит через весь двор, набирая скорость.

С противоположной стороны двора приближается поли-

цейская машина с включенными «мигалками», но Андрею нет до неё дела. Всё его внимание приковано к Настинной машине, которая летит прямо на толпу.

Она что, сошла с ума? Она сейчас их раздавит!

Светлов хочет крикнуть: «Настя, остановись!», но с губ срывается только хриплое «э».

«Тойота» на полном ходу врезалась в толпу, раскидав людей, как кегли в боулинге. Кто-то остался лежать на снегу, кто-то кричал, пытаясь подняться. Какая-то женщина причитала, сидя на снегу, держась за щиколотку.

Зрелище было не для слабонервных. Но и на этом Настя не остановилась. Её машина упорно набирала скорость. Может, девушка испугалась и нажала на «газ», может, педаль акселератора заклинило. Это неважно. Важно то, что остановить её смогла только полицейская машина, встретив её лоб в лоб.

Раздалось громкое «бом».

После сильного удара обе машины замерли, слипшись искореженными передками. К месту происшествия стали сбегаться люди. Их собралось гораздо больше, чем желающих поглазеть на голого мужика, лежащего на бабке.

Когда люди окружили полицейский автомобиль и «Тойоту» Насти, полностью закрыв их от глаз Андрея, он кинул в сугроб окурок сигариллы, поднялся со скамейки и направился к подъезду. Его уже не волновала судьба Настьки, так как он замерз и очень хотел спать. Глаза слипались в прямом

смысле этого выражения, а ноги несли его сами. Он был как на автопилоте. На автопилоте он зашел в лифт, поднялся на восьмой этаж, зашел в свою квартиру и рухнул в спальне на кровать, не снимая дубленки.

«Ничего себе Новый год», – успел подумать он, прежде чем сон сжал его в своих крепких объятьях.

Глава 2. История Джины

Во сне Андрей парил в облаках. Одет он был так же, как во время поездки в Египет: рубашка, шорты, на ногах – сланцы. Только сланцы почему-то с ног не сваливались, что было удивительным, ведь наяву, согласно законам подлости и физики, он летал бы с босыми ногами.

Андрей чувствовал себя полным сил и энергии суперменом, победившим гравитацию. Он трогал руками невесомые облака, вытворял в воздухе фигуры высшего пилотажа и смеялся. Смеялся так, как не смеялся никогда в жизни. А в груди его раздувался шарик. Тот самый шарик, который Светлов чувствовал, когда падал с восьмого этажа. Шарик, надуваемый невидимым компрессором. Кажется, что он так раздулся, что вот-вот лопнет, но не лопается.

А под ногами простиралась земля с коробочками домов, длинными улочками. Сеть дорог делала её похожей на старое фарфоровое блюдо.

В отличие от полёта из окна, когда Светлов чуть не обделался от страха, в этом полёте ему было хорошо. В какой-то момент он заметил среди облаков маленькую точку. Это был не самолёт, нет. Она летела беззвучно. Эта точка увеличивалась в размерах, превращаясь в знакомую женскую фигуру. По мере её приближения Андрей понял, что это была та са-

мая призрачная девушка из кувшина. Только в его сне, – а он понимал, что спит, и всё, что с ним происходит – всего лишь сон, – она была не из дыма или пара, а из крови и плоти. Обычная девушка.

Только сейчас, глядя на неё, он понял, что она восточных кровей и очень красивая. Она подлетела к Светлову и зависла в воздухе. Он тоже остановился на одном месте, хотя до того хотел сделать «мертвую петлю».

– Привет, – прошептала она.

– Привет, – ответил он.

– Как я полагаю, у тебя есть ко мне вопросы, да? – Её изогнутые тонкие брови, словно отчерченные фломастером, просительно поползли вверх.

– Угадала, – Андрей нацелил на девушку указательный палец правой руки и изобразил пистолетный выстрел. – Точнее, один только вопрос: что за хрень со мной происходит?

– Ты спишь, – Губы восточной красавицы тронула чуть заметная улыбка. – И видишь сон, в котором можешь летать и не только...

– Хрен с ним, со сном, – Светлову не хотелось сквернословить в собственном сне, к тому же, в таком необычном, где всё было таким одновременно и реалистичным, и сказочным, но, находясь под впечатлением от всего происходящего с ним, ничего не мог с собой поделаться. В том сне он вёл себя так же, как в жизни. – Почему в новогоднюю ночь ко мне явилась ты в образе какого-то привидения? Почему я

выпал из окна и не разбился? Куда делся кот моей мамани, который должен был валяться рядом с мертвым мужиком и с бабкой... Голый мужик, лежащий на бабке – вообще особая тема. Такого не может быть! Не может! А Настька... Как в это же время она умудрилась задавить столько народу и влететь в машину ментов? Как всё это могло произойти одновременно?!

– Я понимаю, что в твоей голове всё это... – Она пристально посмотрела на Светлова, потом подлетела к нему вплотную и ткнула указательным пальцем Андрею в лоб, пронзив его пальцем. Её палец был как луч света, пронзающий оконное стекло. Светлов снова почувствовал легкое покалывание в голове и какое-то шевеление внутри черепа, словно там бегали маленькие жучки.

«Она роется в моих мозгах! – догадался Светлов. Добывает информацию или восполняет свои пробелы в каких-то знаниях... Как у неё это получается? Второй раз уже... Сука!»

Самым ужасным в тот момент для него было то, что он не мог этому сопротивляться. А копание в мозгах закончилось в тот самый момент, когда на ум пришло слово, означающее собаку женского рода. Причем, он подумал так не о призрачной красоте, а о самой ситуации, в которой ничего не мог изменить, как бы сильно ни хотелось. Таковы уж особенности нашего великого и могучего языка, в котором все явления можно объяснить и культурно, и нецензурной бранью, а

главное – разными словами.

Светлов попытался шлепком ладони выкинуть её руку из своей головы, но девица оказалась проворнее его, и быстро отдернула свою руку. Но подушечками пальцев Андрей всё-таки скользнул по её запястью. Своими пальцами Андрей почувствовал не пар, не дым, а человеческую кожу, которая оказалась тёплой и приятной на ощупь, как у живой, настоящей девушки. Это Светлова немного удивило. Он ожидал, что его пальцы не наткнутся ни на что, соприкоснутся с пустотой. Иначе как тогда объяснить, что она только что этой рукой из крови и плоти рылась в его голове?

– ...не укладывается, но лично для меня это вполне нормально, – как ни в чем не бывало, продолжила девушка после паузы. – Ты ещё и не такое увидишь.

В голосе её была твердая уверенность, словно она это наверняка знает. Не исключено, что эта призрачная леди может видеть будущее. И Андрей в очередной раз про себя задался вопросом: а кто же всё-таки она такая? В памяти его тут же всплыли её слова: «Ты меня вызволил из тысячелетнего плена. Отныне ты – мой господин. Загадай любое желание, и я его исполню».

– Всё понятно. Ты – джинн! – выпалил он, указав на девушку пальцем.

Хотя о джиннах у него были очень смутные представления, которые сложились у Светлова после просмотра фильма про старика Хоттабыча и мультфильма про Алладина. Ещё

он смотрел фильм со Стивом Мартином в главной роли, в котором душу умершей женщины поместили в горшок. Но к джиннам этот фильм не имел никакого отношения.

А ещё в подростковом возрасте он смотрел порнофильм про Алладина, который был записан на потрепанную видеокассету. Эту кассету Светлов купил в киоске, наивно полагая, что покупает художественный фильм-сказку. Зато о том, ЧТО он покупает, знала хитро улыбающаяся продавщица, которая, протягивая Андрейке кассету, что-то сказала ему про мозоли на руках. Несмотря на это, фильм Андрюше понравился, потраченных карманных денег было не жалко. Только вот знаний о джиннах этот фильм Андрейке не добавил. Видеокассету с тем фильмом у него потом умыкнул кто-то из друзей, вставив в коробку из-под фильма кассету с советскими мультфильмами.

– Нет! – Девушка загадочно улыбнулась, отрицательно качнув головой. – Я не джинн. Я – человек, душу которого заключили в сосуд...

– Да, ладно! Рассказывай мне тут сказку... – Андрей хотел добавить: «Как дед насрал в коляску», но промолчал. Он не мог поверить в то, что с душой живого человека такое можно сделать. Это не под силу даже ученым. Пока, во всяком случае.

– Хорошо, – лицо девушки вдруг стало серьёзным. Одна её рука в тот момент была уперта в бок, а второй рукой девушка накручивала на палец локон тёмных волос. Этот жест

притягивал к себе внимание и завораживал. Глядя на девушку, Андрей вдруг вспомнил свою бывшую одноклассницу Юлю, которая после школы не поступила ни в один ВУЗ и стала проституткой. Она «работала» в сауне с красивым названием «Русалка». В ожидании «клиентов» Юля всегда стояла у входа в сауну в такой же позе и накручивала локон на палец. Лак на ногте того пальца обычно полностью или частично отсутствовал. При этом Юля всегда жевала жвачку, размеренно двигая челюстями. Заоблачная дева напоминала Андрею Юлю не только своей позой, она была похожа на проститутку внешне, была такой же красивой. Можно сказать, порочно красивой. Только леди в облаках ничего не жевала. И Андрей сомневался в том, что она это делать умеет. – Я расскажу тебе свою историю... Это нужно было сразу сделать, но я-то думала, что ты, как сумасшедший, начнешь загадывать желания, а потом тебе будет... пофиг: джинн я или нет. Ну, раз тебе не всё равно...

– Не всё равно! – Светлов тряхнул головой. – Мне действительно интересно, кто ты. С дамочками, подобными тебе, я в жизни ещё не сталкивался.

– Ладно. Попробую тебе рассказать о себе. Не уверена, что ты мне поверишь...

– Поверю, – Андрей кивнул головой. – Теперь уже во всё поверю.

– Меня зовут АмизиБанафрит Джебзери Камамат...

– Можно я тебя буду называть просто Джинной? – перебил

девушку Светлов. Встретив на себе её удивленный взгляд, он пояснил: – Имя у тебя уж больно длинное. Я никогда его не запомню и не смогу произнести без бумажки. А постоянно коверкать его не хочется. А Джина...

– Почему именно Джина?

– Ну, уж больно твоё появление похоже на выход джинна из бутылки. Я такое в кино видел.

– Если хочешь, называй меня Джинной, – она пожала плечами. – Имя-то, в общем, неплохое и звучит.

– Спасибо, Джина. – Андрей улыбнулся. Это имя ему нравилось не только потому, что его легко запомнить, но ещё и потому, что где-то в глубине души мечтал оттрахать Джину из «Санта-Барбары». Этакая мечта идиота. – Джина! Джина! Действительно, звучит!

– Я родилась и выросла в Тарингийском царстве, а городе Солерния... – Девушка сделала взмах рукой. За её спиной тут же появилось то, что Светлов поначалу принял за ковер или за лоскутное одеяло, но, присмотревшись, понял, что это – карта мира. Она ткнула пальцем куда-то в район пустыни Сахары. – Тарингийское царство было где-то здесь. Сейчас там пустыня, но когда-то там были зеленые сады. Впрочем, чего я тебе это рассказываю? Могу показать...

Джина взяла Андрея за руку. Земля под ногами тут же начала вращаться с бешеной скоростью. Яркая вспышка ослепила мужчину. От неожиданности он вскрикнул, но его крик потонул в шуме ветра. Когда глаза немного стали видеть, Ан-

дрей увидел, что они с Джинной летят над каким-то очень старым городом с богато украшенными домами, дворцами. Возле каждого дома или дворца были бассейны и зеленые сады с буйной растительностью, которой Светлов не видел даже на картинках в книжках. Но не это его удивило. Его удивило и поразило то, что рядом с людьми жили доисторические ящеры. Уж их-то Светлов видел и на картинках, и в кино. Их-то он узнал бы всегда. На них люди ездили верхом, запрягали в тележки. Некоторые из динозавров паслись в садах. И они не казались такими уж огромными по сравнению с людьми. Когда они с Джинной опустились на землю посередине одной из широких улиц, Андрей понял, почему ящеры не показались ему такими уж большими. Это потому, что большими были люди. Ростом не ниже трех метров, они казались Андрею великанами. И так как по улице их ходило много, Светлов испугался, что они его затопчут и прижался к стене.

– Не бойся, – успокоила его Джина. – Они нас не видят. А чтобы ты чувствовал себя комфортнее, давай-ка подрастём.

Люди вокруг вдруг стали уменьшаться на глазах, и Светлов понял, что Джина каким-то образом сделала его и себя такими же великанами. Теперь уже Андрей обратил внимание на дорогие наряды людей, на образцовый порядок на улицах, гигантские статуи, расставленные через каждые сто шагов, отсутствие нищих. Периодически то тут, то там вальяжно прохаживались группы людей в доспехах и с оружием. Воины в таких же причудливых доспехах и с таким же

замысловатым оружием, как под копирку срисованные, были в многочисленных компьютерных играх, в которые в юном возрасте любил играть Андрей, пока зрение не стало ухудшаться. Но откуда создатели этих игр знали, что всё это уже было. Таким оружием действительно пользовались, такую броню носили. Также Светлов догадался, что люди с оружием по улицам ходят неспроста. Они обеспечивают порядок в Солернии. И он нисколько не сомневался, что справляются они с этим гораздо лучше ленивых, зажавшихся ментов, которым лишь бы дослужиться до пенсии, а на закон и порядок им просто насрать. Главное – чтобы их не напрягли и не скovyрнули с должности. Так знакомые менты говорили Светлову, после чего он их перестал уважать. Поэтому на людей в доспехах Андрей смотрел с восторгом и уважением. Уж они-то точно понятия не имели, что такое пенсия. Но знали, на что способны враги. Поэтому, наверняка, относились к службе ответственно, не спустя рукава

Джина, похоже, ничему не удивлялась. Солерния для неё была, как вода для рыбы. С невозмутимым видом она вела Андрея за собой, как маленького ребенка, держа за руку. Они шли по идеально ровным улицам, сворачивая то налево, то направо, пока не оказались в тени красивой беседки, увитой растением с широкими листьями и алыми цветками, источающими неповторимый аромат.

– Это моё любимое место, – пояснила Джина, усаживаясь на оббитую бархатом скамейку. – Здесь хорошо, не правда

ли?

– Да, – согласился Светлов, присаживаясь рядом. В тот момент он засомневался в том, что всё это ему снится. Уж больно всё было как наяву. Во всяком случае, он знал, что в любом нормальном сне все чувства притупляются. Тут же они, наоборот, обострились.

– Видишь хоромы? – Джина указала пальцем на комплекс зданий с куполами, обнесенных высоким узорчатым забором. Здания были украшены лепниной и мозаикой. Некоторые из них имели массивные колонны. Не дождавшись ответа, она продолжила: – Это дворец царя Ахома Третьего. У него я служила придворной чародейкой и жила в одной из комнат. Иногда он отпускал меня домой... Я – потомственная колдунья. С детства изучала Книгу Знаний. Придворный чародей – довольно-таки высокий пост. У чародеев на службе царя и жалование самое большое, бесплатная еда, бесплатное питьё и...

– Униформа! – подсказал Светлов и, видя непонимание в глазах девушки, уточнил: – Одежда.

– Да, – Джина благодарственно склонила голову, полуприкрыв веки и приложив изящную руку к груди. Перстни на её тонких пальчиках, которые только сейчас заметил Андрей, искрились на солнце. – И униформа выдается бесплатно. Но, чтобы этот пост занять, нужно быть лучшим чародеем в царстве. За звание придворного чародея всегда боролись два магических клана, две разные школы магии. Это клан Ка-

маматов, выходцем из которого являюсь я, и клан Сабритов – враждебный нам клан. В тот год, когда я стала чародейкой, предыдущий чародей перешел на сторону злейшего врага Ахома Третьего – Кэнти Лучезарного. И царю Ахому ничего не оставалось, кроме объявления...

– Конкурса? – Андрей не знал, что в подобных случаях делали цари, но предположил, что по логике вещей должны быть конкурсы, состязания или какие-нибудь экзамены.

– Да, – чародейка улыбнулась, глядя на летящего в небе птеродактиля, потом перевела взгляд на Светлова. – Я иногда, как ты любишь говорить в подобных случаях, подвисаю, глючу. Но это не от того, что я тупая, а потому, что ещё недостаточно хорошо умею пользоваться русским языком. Всегда приходится подолгу в голове копать, чтобы нужное слово подобрать.

Андрей понимающе кивнул, улыбнулся.

– Точно так же ты копалась в моей голове, да?

– Обещаю, больше так не буду, – может, в её голосе и сквозило лукавство, но глаза говорили о том, что она действительно не хочет вторгаться в голову Светлова без его согласия. – Я уже всё, что можно из твоего мозга качнула, поэтому больше там ничего нет такого, что было бы мне полезным. Без этого было нельзя, я ведь хочу адаптироваться в твоём времени, в твоём мире как можно быстрее и не тупить. Ты мне веришь? Не сердись?

– Я тебе верю, – честно признался Светлов. А как тут не

верить, если он её проникновение в голову дважды на себе испытал? – Честно скажу, это не очень приятно, но я на тебя не сержусь. Дело в том, что мы сейчас говорим на одном языке в прямом смысле этого слова. Мы с тобой сейчас – как близнецы, как брат и сестра, которые понимают друг друга с полуслова. И это здорово, так как раньше, до встречи с тобой, с представительницами слабого пола у нас было полное недопонимание. Из-за этого мы и расставались. Наша ссора с Настькой – тому подтверждение. Мы явно не понимали друг друга и не сошлись характерами. Если бы ты была... настоящей, я думаю, что у нас с тобой были бы самые долгие отношения. К тому же, ты мне нравишься и внешне, и... общаться с тобой приятно. Но никаких серьезных отношений у нас с тобой не будет.

– Почему? – удивилась она.

– Так как утром я проснусь, и тебя уже рядом не будет. Это же сон. А наяву я загадал желание, чтобы ты исчезла. Бах!.. – Андрей хлопнул в ладоши. Этот хлопок прозвучал, как пиштолетный выстрел. Но никто, кроме Джины, его не слышал, хотя кругом ходили люди. – ...Ты действительно исчезла. И, если предположить, что ты и вправду можешь исполнять желания, а не врешь, то тебя не должно быть.

– Но ты же не уточнил, на какое время мне исчезнуть, – девушка красиво повела плечиком, и её бровки взметнулись вверх. – Поэтому я и исчезла на какое-то время, чтобы потом опять появиться.

– То есть ты хочешь сказать, что и после того, как я проснусь, будешь рядом?

– Да, – не задумываясь, ответила она. – Ты же меня вызволил из многовековой темницы, произнеся кодовое слово.

– Какое ещё кодовое слово? – искренне удивился Андрей. Он, хоть убей, не мог вспомнить, что говорил перед появлением Джины из кувшинчика.

– Которое снимает наложенное на меня заклятье. Только ты, как говорится, стараешься бежать впереди паровоза. Давай, я всё по порядку буду рассказывать, ладно? А чтобы тебе было веселее...

Джина щёлкнула пальцами. Напротив скамейки, на которой они с Андреем сидели, появился круглый стол на изогнутых ножках, на котором стоял кальян.

– О! – Светлов засунул мундштук в рот, глубоко затянулся, выдохнул струю густого, ароматного дыма. На лице его появилось блаженная улыбка. – Конечно, ты рассказывай. Честное слово, я тебя не перебыю... Пока курю.

Джина одобрительно кивнула. Какое-то время сидела, глядя вдаль, на дворец Ахома, потом продолжила свой рассказ:

– Ахом издал указ о проведении отборочного состязания для выявления кандидата на должность придворного чародея...

Слушая Джину, Андрей не переставал удивляться: только недавно он испугался её, считал злым привидением и хотел

от неё избавиться. Сейчас же он с интересом, затаив дыхание слушает её и считает чародейку чуть ли не лучшей своей подругой. Она говорит, что недостаточно хорошо умеет пользоваться русским языком, но не всякий нерусский может без запинки, без акцента выговорить: «Ахом издал указ о проведении отборочного состязания для выявления кандидата на должность придворного чародея». Опять-таки, этот чудесный кальян... Светлов действительно любил курить кальян, но делал это нечасто. Чаще всего, по праздникам. Но ведь именно сейчас новогодние праздники! Нет, она даже не чародейка, она – сама по себе чудо, феномен! Эх, жаль, что сон закончится, и не будет ни этого города, ни дворца царя Ахома, ни кальяна, ни самой Джини. Потому, что это всего лишь сон. Сон, навеянный большим количеством выпитого алкоголя. Пьяный, мать его сон. Эх, как жалко! Вот бы сон тянулся целый год!

– ... В принципе, указ он мог не издавать, так как слухи в Солернии распространяются быстро. И всё равно пришло бы всего два человека – по одному от каждого клана. Камматы послали меня, от Сабритов пришла Одджит – та самая бабка, которая кормила тебя пирожками...

И тут Андрей забыл, что обещал Джине, что не будет перебивать её. Кашлянув, он вынул изо рта мундштук и, удивленно вытаращив глаза, спросил:

– Как такое возможно?

– В мире магии возможно всё, – спокойно ответила она и

вернулась к своему повествованию: – Для того чтобы стать чародеем, нужно было всего лишь удивить царя. Первой проходила испытание Одджит. Она творила чудеса: вернула зрение слепому, превратила воду в вино, омоложила сначала жену царицу Бенну, а потом и самого царя, которые к тому времени уже были в преклонном возрасте, но не желали отдавать своим детям бразды правления. Конечно, Бенну была в восторге, сановники рукоплескали Одджит. Судя по взглядам, которые она бросала на меня, где-то в глубине души Одджит уже праздновала победу и видела себя придворной чародейкой. Видя её успех, я где-то в глубине души засомневалась в том, что мне что-то светит. Ведь я планировала, когда шла на испытание, лысину царя превратить в косматую гриву. Я даже целую главу в Книге Знаний наизусть выучила. Ведь до того из-за лысины он стеснялся носить корону, предпочитая надевать на голову перхет... И вот стою я тогда, смотрю на царя и приближенных к нему особ, на самодовольную ухмылку Одджит и понимаю, что пышная шевелюра не идет ни в какое сравнение с молодостью и с молодой женой. Но вижу, что Ахом почему-то не весел, хотя должен был радоваться. И тут, хотя я тогда была очень молодой, мужских ласк не познавшей, я поняла, что молодость молодостью, а для царя главное – его мужская сила. Похоже, Одджит о мужчинах меньше меня знала, а потому упустила из вида эту важную деталь. Я тут же вспомнила соответствующее заклинание, взмахнула руками и наградила царя веч-

ным стояком. Ой, ты даже не представляешь, что там было! Ахом вскочил с трона, подскочил ко мне, обнял, уперевшись мне в живот этой своей торчащей штукой, расцеловал... Тут же объявил, что придворным чародеем буду я, «все свободны!», схватил за руку царицу и вместе они направились в опочивальню, откуда не выходили три дня и три ночи. На четвертый день изможденная, но счастливая царица выползла из опочивальни, и царь потребовал прислать ему молодых танцовщиц, после чего его никто не видел десять дней и десять ночей. А я стала служить придворным чародеем. Ты даже не представляешь, как это здорово! Я купалась в роскоши, я чувствовала себя хозяйкой мира. Люди падали на колени при моем появлении где-либо. Они боялись меня и, одновременно, восторгались мной. У меня было всё: богатство и власть. И, чтобы иметь всё это, достаточно было раз в день, после обеда, почитать Книгу Знаний. И всё!.. Два года пролетели, как один день. Казалось, это будет длиться всю жизнь. И я была согласна на такую жизнь. Но тут произошло то, что в мои планы не входило: как-то раз, когда я решила покинуть своё тело и полетать над землёй...

– Ты умерла, что ли? – в очередной раз перебил её Светлов. В его голове просто не укладывалось, как душа может существовать отдельно от тела. – Душа отлетает во время смерти...

Это всё, что он знал о душе.

– Нет, – Джина посмотрела на него, как профессор смот-

рит на студента-первокурсника. – Душа может отделяться от тела, а потом опять возвращаться. На нашем языке это называется сафна. Сафна подробно описана в Книге Знаний и, когда будешь изучать её...

– Сомневаюсь, что буду изучать её, – Андрей затряс головой. – Ой, сомневаюсь.

– Ну, это ты сейчас так говоришь, – уголки её рта тронула едва заметная улыбка. А её глаза, которые меняли цвет от голубого до черного, говорили о том, что она не просто знает это, а видит. Видит, как он, Андрей Светлов, сидит над Книгой Знаний и штудирует её, как прилежный ученик. Именно это Андрея испугало. Он не хотел тратить своё время на какую-то Книгу Знаний. Да и зачем ему это? Впрочем, это всего лишь сон. Светлов проснется, и не будет никакой Джинны, никакой Книги Знаний. Значит, и беспокоиться не о чем.

– Ой, блин...

– Да ты не бойся, – эта чертовка, определённо, могла читать мысли. А может, во сне так и должно быть? – Читать Книгу Знаний не только не утомительно, но и интересно. К тому же, она не всякому открывается. Если ты её не достоин, будешь, как ты говоришь, в пролёте. Но только я вижу, что ты достойный. В тебе скрыта сила, о которой ты пока ничего не знаешь. Но это будет потом... Так, на чем я остановилась?

– На том, как твоя душа отделилась от тела, – напомнил Светлов.

– Да... Я расслабилась, погрузилась в сафну, и моя душа

полетела над землёй. Она летала над полями и лесами, над морями и горами. Я резвилась в кронах таких высоких деревьев, какие тебе и не снились. И, хотя в состоянии сафны можно общаться с духами ушедших в другой мир предков, их в тот раз я не видела и не слышала, что меня немного удивило. Я просто не придавала этому значения, а должна была... В какой-то момент я слышу женский голос, громко читающий заклинание, и мою душу потянуло куда-то назад. Потянуло так сильно, что я не смогла этой тяге сопротивляться. Потащило, но не в тело, которое сидело в позе мкач в моих покоях во дворце Ахома, а куда-то дальше, за дворец, в тот район Солернии, в котором я никогда раньше не была. Я пыталась сопротивляться, но куда уж там! Именно в тот момент я поняла, что до того момента в Книге, где описывается сопротивление воздействию на душу, осознанно вышедшую из тела, я просто не дочитала. Или дочитала, но забыла, как сопротивляться этому воздействию. А женский голос, читающий заклинание, кажется мне знакомым. Пролетев сквозь крышу незнакомого мне дома, я увидела девушку, сидящую на коленях у пустого кувшина. Та самая девушка и читала заклинание. В какой-то момент я узнала эту... сучку. Ею оказалась Одджит! Я кричу ей: «Одджит! Остановись, что ты делаешь?» А она смотрит на сопротивляющуюся меня, из последних сил цепляющуюся за всё, что можно, и улыбается. А меня всё сильнее и сильнее затягивало в кувшин, пока я окончательно не ослабла и не оказалась внутри его.

А потом пробка запечаталась, и я погрузилась в состояние, сравнимое со сном, только без сновидений. И проснулась я только тогда, когда ты произнес кодовое слово, отменяющее заклинание.

– И какое же это слово? – Андрей глубоко затаился, задержал дым в лёгких и выпустил его кольцами через рот. Он не знал тарингийского языка, тем более, не мог знать никаких кодовых слов. Может, Джина что-то путает?

– «Етбля», что значит, в переводе с нашего языка «освободись».

И тут до Светлова дошло, что он и не планировал никого освобождать. То, что он сказал, точнее, выкрикнул, было реакцией на падение с серванта кувшина, который был ему дорог, как память о путешествии в Египет, как напоминание об эстонке, в постели с которой он провел незабываемые, даже не минуты – часы! Поняв, что он мог в момент падения египетского кувшинчика сказать, Андрей рассмеялся. Перестав смеяться, посмотрел на Джину.

– Я сказал тогда: «Нет, бля», а в русском языке, зачастую, к освобождению это не имеет никакого отношения.

– Ну, и что. Всё равно, пусть даже неосознанно, но ты меня вызволил. Значит, ты сейчас мой господин и повелитель, проводник в своём мире. И мы с тобой будем вместе навеки...

– Я столько не проживу, – Андрей печально улыбнулся. – Увы, люди в наше время столько не живут.

– Ничего, со мной проживёшь, – она положила руку ему на плечо. В тот момент Андрей понял истинное значение слова «прибалдеть», так как от прикосновения Джины ему стало не просто хорошо, а очень хорошо, как никогда в жизни. Он почувствовал, как напрягается его член, и шевелятся волосы на голове. Хотя он включил всё своё актерское мастерство, чтобы не подавать вида, но по хитрому прищурю глаз Джины было видно: она знает, что ему хорошо. И ей это нравится. Жаль только, что ощущение безграничного счастья длилось недолго. В какой-то момент милая чародейка убрала руку от плеча Светлова и встала со скамьи. Ощущение блаженства какое-то время продержалось, а потом стало улетучиваться. Только член не желал опадать и стоял, как оловянный солдатик.

– Я полагаю, что больше тебе рассказать нечего, да? – спросил Андрей, глядя на девушку снизу вверх, любуясь её грудями, обтянутыми платьем, украшенным дорогими камнями.

Джина прикрыла глаза. Открыв их, произнесла:

– Ночь в твоём мире ещё не закончилась. А для того, чтобы продолжить рассказ, нужен кувшин. Я буду считывать информацию с него.

– Но как? – Светлов хотел сказать, что кувшин сейчас находится в его квартире и перетащить его в сон, скорее всего, будет проблематично, но пузатый кувшинчик тут же появился в руках чародейки. Он начал переливаться всеми цветами

радуги в её руках, рисунки и письма на нём стали меняться.

И только в тот момент Светлов заметил, что жизнь вокруг беседки словно вымерла: куда-то пропали люди, которые спешили по своим делам, пропали ящеры, тянущие за собой груженные барахлом повозки. Небо было чистым, не летали там никакие птеродактили. Стало тихо. Андрей понял, что без Джины тут не обошлось. Она специально убрала всё лишнее из этого сна, чтобы ничего Андрею не мешало выслушать или правильнее сказать – увидеть её историю, чтобы всё понять и не пропустить ничего важного. А важных моментов там могло быть много. Слишком много.

– Возьмись за кувшин правой рукой и дай мне левую, – чародейка присела на скамейку. Андрей вынул изо рта мундштук, положил его на маленький столик, которого раньше в беседке не было, но появился он как раз вовремя. Правые и левые руки Светлова и Джины сцепились в замок. Свою левую руку прекрасная колдунья приложила к кувшину, тем самым замкнув цепь. – Не думай ни о чем и расслабься...

Андрей подчинился. На какое-то мгновение он снова ощутил блаженство, почувствовал, как маленькие разряды, исходящие от кувшина, пробегают по руке и распространяются по всему телу. Как только эти разряды наполнили Светлова «под завязку», он увидел Джину, лежащую на кровати в своих покоях. Глаза её были закрыты, лицо посинело. Вокруг неё суетились люди в длинных мешковатых одеждах. Андрей

понял, что это были придворные лекари. Один из них делал Джине искусственное дыхание изо рта в рот, потом – массаж сердца, но девушка не подавала никаких признаков жизни. Только Светлов подумал, что медицина у них явно не на высоком уровне, два лекаря вкатили в покои нечто похожее на аппарат для магнито-резонансной томографии. Один из лекарей нажал на кнопку на панели. Тут же по краям аппарата загорелись белые лампочки, сигнализируя о полной готовности. Тело Джини положили на выдвижной стол, и аппарат быстро втянул её в себя. Через небольшой лючок в корпусе неведомого Андрею устройства он видел, как к телу девушки присасываются присоски, как сквозь неё пропускают электрические разряды, от которых дергаются её руки и ноги, но всё время слышится печальное «пи-и-и-и», говорящее о том, что сердце девушки запустить невозможно, как невозможно оживить то, что уже мертво.

В какой-то момент взмокнувший от пота лекарь, который делал Джине искусственное дыхание, повернулся к своим коллегам и что-то сказал им. Один из них с печальным лицом подошел к панели на корпусе аппарата, нажал на кнопку. Машина тут же выплюнула тело девушки и отключилась. Огоньки погасли.

– Вот так я умерла, – прокомментировала чародейка. Из её глаз выкатились две слезинки и потекли по щекам, оставляя влажные следы, которые моментально высыхали.

Вторая картинка: Андрей увидел дворец Ахома вблизи,

увидел красную ковровую дорожку, тянущуюся от входа во дворец и до самых ворот. Увидел он и толпу людей, стоящую перед дворцом по обе стороны дорожки. На дорожке стояла только человек двадцать, одетых во всё черное.

Светлов парил над дорожкой, над толпой. Рядом с ним была Джина.

– Это мои родственники, – сказала она, указав рукой на людей в черных одеждах.

– Они могут нас видеть? – поинтересовался Андрей, но он уже знал, что она ответит.

– Нет.

Из дворца вышел высокий мужчина в одеждах, украшенных драгоценными камнями и расшитых золотом. На его голове красовалась корона. Высокий воротник делал его похожим на павлина. Вокруг него толпились хорошо вооруженные стражники. Рядом с ним стояла красивая женщина в платье, на изготовление которого ушло, наверное, килограммов сто золота и бриллиантов. Глядя на эту парочку, Светлов понял, что это и есть царь с царицей.

Ахом постоял немного, глядя на толпу сквозь зазор между двумя стражниками, стоящими перед ним, потом что-то громко сказал. Стражники разошлись в разные стороны, царь выдвинулся вперед и по дорожке направился к родственникам Джины. Подойдя к ним, он стал им что-то говорить. Поначалу для Андрея это был лишь набор отрывистых звуков, но потом он вдруг из этих звуков начал выхватывать

слова, которые складывались в фразы и предложения. Как будто Андрей уже когда-то знал этот язык, но потом забыл его и только сейчас случайно вспомнил. Нет, он не удивился этому. Он знал, что это ему передалось от Джины, которая крепко держала его за руку.

– ... Ваша дочь была лучшей чародейкой, – говорил Ахом, обращаясь к родственникам Джины. Стоит отдать им должное – никто не плакал, женщины не голосили и не падали в обморок. Все стойко держались, но лица у всех были одинаково скорбными. – Её каменное изваяние займет достойное место в моем дворце, и она будет похоронена с почестями, как член царской семьи!..

Следующий кадр: та же толпа людей в черном. Они стоят у вырубленной в скале усыпальницы. Напротив усыпальницы стоит саркофаг с телом Джины, чуть в стороне – непонятная установка, за пультом которой стоит старичок с длинной седой бородкой. Он одет так же, как придворные лекари, но на голове его красуется шлем, как у велосипедистов.

– Прощай, дочь! – сказал мужчина в годах и, обернувшись, махнул рукой старичку в шлеме. Тот сразу же нажал на какую-то кнопку на пульте, саркофаг плавно поднялся в воздух и влетел в вырубленную в скале нишу. После чего лежащая рядом с усыпальницей большая плита взлетела и закрыла вход в усыпальницу. На плите было что-то написано. Хотя Андрей понимал тарингийский язык, но прочитать надписи на плите, сколько бы ни смотрел на неё, не смог. Но

подумал, что, скорее всего, там написаны все имена Джины, дата рождения, дата смерти. И снизу, наверняка, приписано что-то вроде: «Любим, скорбим». Иначе никак.

Андрей огляделся. Вокруг – только скалы с вырубленными в них усыпальницами. И на всех плитах были надписи. Должно быть, это и было кладбище царей Тарингии – печальное, унылое место, где находили свой покой сильные мира сего, точнее, мира, в котором когда-то жила Джина. Это место угнетало, навевало тоску. Оттуда хотелось убежать, а лучше – улететь. А во сне это сделать – вполне реально!

Похоже, Джине тоже не хотелось там задерживаться, а потому она снова перенесла Андрея в беседку. На долю секунды он увидел слёзы на её щеках, но только на долю секунды, потому что слёзы быстро высохли.

– Да, печальное зрелище, – вздохнув, произнесла она. – Никогда не думала, что нет ничего тяжелее, чем видеть собственные похороны... Ужас! Ну, ладно, не будем о грустном. Сейчас я хочу посмотреть, что было с кувшином, пока я была внутри его. Ты будешь смотреть?

– Да, – Светлов кивнул головой. Раз уж это необычный сон, он возьмет от него всё, чтобы запомнить, а потом вспоминать всю оставшуюся жизнь. Когда он ещё такие сны увидит? Да никогда!

– Хорошо. Расслабься!

Андрей сначала услышал смех, потом увидел Одджит, держащую кувшин с заточенной в нем душой Джины на ла-

дони. На этой большой ладони он выглядел, как наперсток.

Одджит находилась в царском дворце, на ней было дорогое платье. Её шею украшала толстая золотая цепь, а уши оттягивались вниз под тяжестью массивных сережек. Она стала придворной чародейкой. Сбылась её мечта. Она счастлива.

Следующая картинка: Одджит стоит перед тронном царя.

– Завтра будет бой, – говорит Ахом. – Если мы победим, мне достанутся земли Северной Кадии, тебе – личный дворец, рабы и десять мер золота. Наколдуй какую-нибудь болезнь для войска Кэнти Лучезарного, а мою армию сделай неузвимой.

– Слушаюсь, – Одджит кланяется, выходит из тронного зала. Потирает руки в предвкушении скорого богатства, шепчет себе под нос: – Вот это да! Никто из нашего клана своих дворцов ещё не имел. А у меня дворец будет! И куча рабов! Вот это будет жизнь...

«Жизнь» ещё не началась, а Одджит уже представляла себя чуть ли не царицей, купающейся в золоте и в бриллиантах. Улыбка не сходила с её лица, когда она пила вино в уличной забегаловке. Та же улыбка не сходила с её лица, когда она всю ночь развлекалась с молодыми стражниками. Какой там бой? Всё потом...

Утром она проснулась опухшей, с головной болью. В глазах всё двоилось, её покачивало.

«Как мне это состояние знакомо! – думал Андрей, с сочувствием глядя на неё сквозь время и расстояние. – Жизнь

идёт, но ничего не меняется!»

Выпив бокал мутной жидкости, Одджит почувствовала себя гораздо лучше. Она присела за столик, открыла перед собой толстенную книгу. В тот момент Светлов не сомневался, что это и есть та самая «Книга Знаний». Он даже не знал это – чувствовал.

Что-то пробубнив себе под нос, закрывая одной рукой левый глаз – видимо, для того, чтобы буквы в глазах не двоились, – Одджит достала из потайного шкафа, вмурованного в стену, банку с какими-то засушенными насекомыми, которые были похожи и на мух, и на пчел, только даже высушенными они были больше любой мухи или пчелы. Когда она открыла банку и, держа над ней руку, прошептала заклинание, насекомые вдруг стали оживать. Они вылезали из банки и, расправив большие крылья, с громким жужжанием вылетали в распахнутое окно. Их оказалось не просто много, а очень много. Тёмный поток насекомых вылетал из банки минут пять, пока не иссяк. Когда последняя муха – или как там её – вылетела наружу, Одджит с довольным видом закрыла окно, извлекла из сундучка, стоящего у ножек столика, стеклянный шар и, держа перед ним руки, словно грея их в свету голубых лучах, стала пристально вглядываться в шар.

Всё, что показал магический шар, Андрей видел глазами Одджит. А видел он две большие армии, стоящие друг напротив друга, которые разделял поросший травой пустырь. Большинство воинов были в темных доспехах, со щитами, с

мечами, копьями. Но это были именно простые воины, которых правильнее назвать пушечным мясом. Воины покруче, более высокого ранга, были в золотистых доспехах. А в руках они держали нечто похожее на ружья с толстыми стволами.

Воины попроще восседали на больших ящерах, вымерших миллионы лет назад. Крутые же вояки летали над ними на антигравитационных платформах, и отдавали команды, которые, усиленные динамиками, разносились по пустырю и с той, и с другой стороны:

– Стоим! Держим строй!

– Без приказа царя не атакуем!

Кроме воинов, Андрей заметил и с той, и с другой стороны пушки, танки и нечто похожее на дроны.

Всё-таки много-много лет назад была довольно развитая цивилизация.

Ахом, облетая на большой скорости войска, прокашлялся и поднял вверх руку. Сейчас он гаркнет в микрофон, и начнется...

Светлов с замиранием сердца затаил дыхание. Сейчас он увидит настоящий бой, а не мультик, сделанный на компьютере. Сейчас-сейчас...

Как только Андрей вспомнил про насекомых: мухоподобных пчел или пчелоподобных мух – воины вдруг стали кричать, хлопая себя по различным частям тела руками. Их стройные ряды мигом превратились из армии в нечто неорганизованное. Кто-то побежал назад: туда, где свысока за ар-

мией наблюдали царь и его свита. Но только хаос начался не в войсках Кэнти Лучезарного, а в рядах тарингийцев. Но должно было быть всё наоборот!

– Жопа кендария! Сухая дырка в промежности старухи! – слышались ругательства Одджит. – Я стороны света перепутала. Вот дура-то!.. И что теперь делать? Ой, мамочки!.. Дырка в промежности старухи, пьяная тупая дырка! Царь в эту дырку раскаленный металл зальет...

Пока в войсках царя Ахома твори лось нечто невообразимое, воины на противоположной стороне смотрели на это безобразие через приборы, похожие на бинокли и недоуменно переглядывались.

Тарингирийские воины с душераздирающими криками падали на землю. Их тела покрывались язвами, из которых сочился гной. Их глазные яблоки лопались, а из-под доспехов сочилась кровь. Они срывали с себя латы, шлемы, корчась в предсмертной агонии. Их головы раздувались до огромных размеров, а когда воины срывали с себя шлемы, головы разлетались в разные стороны, словно кто-то невидимый приставлял к ним дробовик и нажимал на спусковой крючок.

Кругом кровь, мозги, гной. Вонь стоит невыносимая, Светлов её чувствует, близок к тому, чтобы блевануть. Тела быстро разлагаются, над ними кружат проклятые насекомые, каждое из которых не уступает в размерах мадагаскарскому таракану.

Над всем этим хаосом летает на антигравитационной платформе царь Ахом. Он кричит что-то в микрофон, но его голос тонет в предсмертных криках его воинов и лязге металла. Царь понимает: что-то пошло не по плану, но ничего не может исправить. Из его груди вырывается крик. Это крик отчаяния, но его не слышно. И, кажется, что Ахом ловит ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. В какой-то момент царь сгибается пополам и начинает в бешенстве молотить кулаками по панели управления «антиграва». Платформа тут же начинает дергаться из стороны в сторону, Ахом теряет равновесие и падает вниз. Он летит прямо на однородную массу бьющихся в конвульсиях тел – то, что осталось от некогда могущественной армии. Его армии.

Одджит всё это видит. Её грудь часто вздымается, глаза расширены от страха, рот перекосило в страшной гримасе. Длится это недолго – не больше минуты. В какой-то момент чародейка начинает, как ошпаренная, носиться по своим покоям, укладывая в сундук всё самое ценное – ювелирные украшения, деньги в мешочках, предметы из золота. Этого добра оказалось так много, что крышка сундука не закрывалась. Одджит даже садилась на неё своим задом, сильно разросшимся за время работы придворным чародеем, но это не помогло.

– Что же делать? – растерянно чародейка смотрит по сторонам.

В это время в покои входит рабыня с подносом в руках.

На подносе стоят бокал, графин с красным вином и тарелка с диковинными фруктами, которых Светлов даже на картинках в книжках не видел. Видно, что рабыня совсем другого рода-племени. Она гораздо ниже ростом, чем Одджит, смуглая, горбоносая.

– Будете есть-пить? – спрашивает рабыня.

– Оставь поднос и иди отсюда! – грубо отмахивается от неё придворная чародейка.

– Я слышала, что Кэнти Лучезарный разбил армию нашего царя, – ставя поднос на пуфик, с наигранной печалью в голосе проговорила рабыня. В глазах её при этом поблескивали искорки радости. – Враги на подходе к городу. Вам бы спрятаться или уйти по тоннелю...

«Сейчас кому-то глаз на жопу натянут, но этим кем-то буду не я», – говорил взгляд рабыни.

– Успею.

Пожав плечами, рабыня направилась к выходу из покоев, когда она уже положила руку на массивную дверную ручку, чародейка её окликнула:

– Мазика!

Рабыня замерла, обернувшись в пол-оборота. На лице появилось удивление. Видать, госпожа никогда её не называла по имени.

– Чем-то могу ещё быть полезной?

– Ты хочешь, чтобы твой сын поправился?

Смуглая рука соскользнула с дверной ручки. Рабыня ми-

гом переменялась в лице, ссутулилась. Мелкими шажками подойдя к Одджит, опустилась на колени.

– Откуда вы знаете про моего сына?

– Некогда мне вдаваться в такие подробности. Так ты хочешь, чтобы он поправился?

– Да, – подняв глаза на чародейку, ответила Мазика. – Очень хочу.

Одджит подошла к большому шкафу из белого дерева, достала из него мензурку с зеленой жидкостью. Эту жидкость она вылила в бокал и протянула его рабыне.

– Ты должна это выпить сейчас. А когда стемнеет, нужно поцеловать сына в лоб и сказать: «Болезнь, уйди»! Уже завтра Косей поправится.

Пробежавшая по лицу рабыни тень сомнения улетучилась, едва она услышала имя сына. Мазика решительно взяла бокал и выпила его содержимое.

– Чего ради вы так.. – рабыня не закончила, упав на пол без чувств, громко стукнувшись головой.

– Какая же ты дура, – произнесла чародейка, наливая себе в бокал той же зелени, усаживаясь за столик и открывая всё ту же толстую книгу. Начала читать вслух, водя пальцем по строчкам.

– Она делает обмен телами. – Голос Джинны заглушил бормотание чародейки. Андрею подумалось, что Джина специально отвлекла его, чтобы он не запомнил слова заклинания. Это же магия, а не игрушка. – За свою жизнь она это делала

очень часто. Именно так Одджит дожила до наших дней. В последнем теле застряла надолго, так как нужна была магическая энергия, которой был заряжен кувшин. Поэтому она тебя и обхаживала...

Чародейка замолчала, залпом осушила бокал и рухнула на пол вместе со стулом. Несколько секунд не происходило ничего, после чего изо рта рабыни и госпожи вылетели белые сгустки, похожие на облака пара. Сгусток изо рта Одджит залетел в рот рабыни, а сгусток из тела Мазики всосала в себя чародейка.

Грудь рабыни стала подниматься вверх и опадать. Её веки затрепетали, и она приподнялась на локтях, осматривая себя.

– Получилось, – Одджит в теле Мазики поднялась, взяла со стола толстую книжку, закрыла её и сунула себе под мышку. Опрометью бросилась прочь из покоев, с грохотом захлопнув дверь. Через минуту дверь открылась. Андрей подумал, что чародейка в спешке забыла какую-то важную для неё вещь и вернулась за ней, но в покои вошел царь. На Ахома было страшно смотреть: голова разбита, слипшиеся, красные от крови волосы свисают паклями; правый глаз болтается на кровавой ниточке, кровь из глазницы заливают поллица, кровь сочится и сквозь пластины доспехов. Некогда богато украшенные доспехи царя были изрядно пробиты во многих местах и помяты. Глядя на него, можно было подумать, что именно так выглядит человек, попавший под несущийся

на полной скорости самосвал. Царь сильно прихрамывал на левую ногу и при ходьбе опирался на меч в ножнах, как на трость. Шаркая, он шел по зале, оставляя за собой кровавые следы. В тот самый момент рабыня в теле Одджит зашевелилась. Она приподнялась на локтях, беззвучно выругалась на своем языке. Заметив царя, вскочила, подбежала к нему и упала на колени, низко склонив голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.